

Влад Савин

ЗЕРКАЛО ГРЯДУЩЕГО

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Морской волк

Владислав Савин
Зеркало грядущего

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Савин В. О.

Зеркало грядущего / В. О. Савин — «Издательство АСТ»,
2019 — (Морской волк)

ISBN 978-5-17-118345-5

«Зеркало грядущего» – продолжение цикла «Морской волк», истории с попаданием в 1942 год атомной подлодки «Воронеж». СССР получил фору – и Победа пришла на целый год раньше, и наши потери меньше, и соцлагерь сильнее. Но капитализм вовсе не собирается уступать своих позиций и угрожает развязать атомную войну. Но победа в войне – лишь этап на пути строительства коммунизма, без ошибок, допущенных в СССР нашей истории. И становится ясно, что для победы коммунизма необходим «рабочий проект» – четко сформулированная Идея. А мы живем и строим социализм, попав в страшное и прекрасное время – когда за свое счастье надо драться. Мы не знаем, каким станет здесь светлое будущее для моей страны. Но точно знаем, каким оно не должно быть. И если история будет против, решив, что «Россия не имеет будущего» – то тем хуже для истории.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-118345-5

© Савин В. О., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

65

Влад Савин

Морской волк: Зеркало грядущего

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 164

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Влад Савин, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Благодарю за помощь:

Дмитрия Белоусова, Сергея Павлова, Михаила Кубрина.

Читателей форума Самиздат под никами *Библиотекарь, strangeserg, Old_Kaa, HeleneS* и других – без советов которых, очень может быть, не было бы книги.

Товарища Н. Ш. – он знает за что.

Многоуважаемого *Бахадьра* из Самарканда, в настоящее время проживающего в Санкт-Петербурге.

И, конечно же, *Бориса Александровича Царегородцева*, задавшего основную идею сюжета и героев романа.

Также благодарю и посвящаю эту книгу своей жене *Татьяне* и дочери *Наталье*, которые не только терпимо относятся к моему занятию – но и приняли самое активное участие в создании образов Ани и Лючии.

Лазарев Михаил Петрович.

В 2012 году капитан 1-го ранга,

командир атомной подводной лодки «Воронеж», СФ. В СССР 1950 г. – Адмирал Победы.

Снова снился мне мой ночной гость. Ничего не сказал, лишь мерзко усмехался.

Мы материалисты и в чертовщину не верим. Хотя товарищи ученые так и не пришли к выводу о природе Феномена, закинувшего нас, вместе с кораблем, в это время, из 2012-го в 1942 год. Но это вовсе не доказательство сверхъестественности – что сказали бы Ломоносов и Ньютон о работе атомного реактора? В то же время установлено, что подобные сны видел не я один (правда, без этой фигуры – так что она может быть плодом моего воображения). Потому лично мне кажется вероятной гипотеза, что наш мозг (особенно для тех, кто прошел через Феномен) приобрел свойства «приемника», позволив нам видеть происходящее в иных временных измерениях, «параллельных» мирах. Ибо, на мой взгляд, гораздо более логична картина мира, когда возникает «развилка времени» и происходящее на одной ветви никак не зависит от другой. То есть парадокс «если я убью своего дедушку» в принципе не возникнет, и в этом мире, где СССР победил в войне на год раньше, а Сталин знает свое будущее – ничего не предопределено. И мы имеем уникальную возможность исправить, или вовсе не допустить сделанные там ошибки. Но и нет гарантии, что мы не наделаем новых.

Так что видел я в своем «вещем» сне? Миротворческие войска ООН в Москве. И демократически избранный президент России толкает речь по телевидению. Рожа вроде другая – в прошлом сне, где я ракеты по США запускаю, он бородатый был? Фамилию тогда не запомнил, а тут – господин подвальный или завальный, что-то такое. Вешает, обращаясь к мировому сообществу: «Простите нас! За то, что будучи кандидатом прошлых президентских выборов, я имел в своей программе поддержку противозаконной аннексии Крыма – поскольку иначе бы у меня не было шансов победить. Что показывает, насколько глубоко эта нация поражена вели-

кодержавностью – и чтобы решить вопрос раз и навсегда, и ни у кого из моих последователей на этом посту не было соблазна... – тут лабуда минут на пять о его лично глубоких душевных терзаниях! – ...я считаю, что для русского народа будет наилучшим выходом впредь не иметь своей единой государственности. Мой проект о разделении бывшей РФ на десять независимых субъектов уже внесен на рассмотрение в ООН. И конечно, обязательным пунктом будет безъядерный статус всех новорусских государств и их приверженность истинно демократическим ценностям».

Козел! И ведь наверняка эту речь он не сам писал, а кто-то в Госдепе! Что в будущем, уже после года нашего ухода, 2012-го, будет «российско-украинская война», и бандеровская погань на Крещатике, и наши Крым возьмут, – это уже и Юрка Смоленцев видел во сне, и моя Анюта тоже. И опять наверху какая-то сволочь предала, а народ безмолствовал? Или ждал, что сейчас сто сортов колбасы будет, как в девяносто первом?

И полицаи тут же – мордатые, с сине-желтыми шевронами. Вы, москали, думали, мы с вами в Донбассе воевать собирались? Нет, мы ждали, чтоб когда вы Западу сдадитесь – оккупационной армией стать, не самим же американским господам грязной работой заниматься. Ну а мы не гордые – наши деды-«травники» жидов в газенвагены гнали, ну а мы тут будем «экономически излишнее» население утилизировать.

С трибуны какая-то харя зачитывает условия. Будет как в «цивилизованном мире» – если ты настолько беден, что не можешь платить за обучение и лечение, то образование и медицина тебе и не нужны. И никаких пенсий дармоедам – пусть стариков кормят дети и внуки. Удовлетворить право российского работника на трудовую неделю без всяких ограничений – что за идиотский потолок, сорок часов в неделю по трудовому кодексу, ради конкурентоспособности можно трудиться и по сто часов, как в Южной Корее. Никаких оплачиваемых отпусков – с чего это работодатель должен нести убытки? А отчего это у большинства населения излишки жилплощади, наследие совкового режима? Молчать и каяться – вы все тут виноваты хотя бы тем, что поддерживали имперский путинизм!

Кто сказал, что агрессия – это как Гитлер? Может быть и так – по решению ООН. Которое постановит, что России не быть – и «границы нерушимы». Когда СССР распался, вот уж границы менялись, но это было демократично, а крымнаш – это не сметь, нарушение принципа незыблемости границ! Гитлеру удалось всего лишь двадцать миллионов советских людей убить – ну а если теперь вымрет хоть пятьдесят, это будут допустимые потери. Да, этот мир еще поганее того, что в прошлом сне был – там я успел все ж по США все боеголовки выпустить, и наверное, не я один, так что пиндосам мало не показалось. На кой черт нужен такой мир, где России нет?!

И я, Лазарев Михаил Петрович, навеки убежден – капиталистической России не быть! Поинтересуйтесь, кто такие «мэйбани» в Китае – к господам олигархам российского разлива, которые держат капитал в чужих банках, покупают жилье за бугром и отдают своих детей учиться в чужие школы, это определение подходит полностью. «Капитал не может лежать без движения, он должен крутиться, приносить прибыль, вкладываться в рынок». А поскольку на этом поле нам с США тягаться нельзя, то любой российский капиталист – потенциальный предатель. Просто потому, что ему будет выгоднее предать. Теоретически я могу поверить в бушковского персонажа-олигарха, сказавшего «ни Форд, ни Вестингауз не могут быть в колонии, а туземным управляющим я сам не хочу», – вот только в жизни я таких персон пока не встречал.

И потому – сделаем все, чтобы повернуть историю на другой путь. Шанс есть – товарищ Сталин из нашей истории, и он же, узнавший будущее (и свое, и страны, в которую он всего себя вкладывал), это большая разница. А также товарищи Берия, Пономаренко, Василевский, Кузнецов, Курчатов – те, кто вытянул самую страшную войну, какую история знала – сейчас тоже намерены сделать все, чтоб реставрации капитализма не допустить. Ну а что будут лет через пятьдесят вопить всякие «кривозащитники» (если эти особи и в данной ветке истории

появятся), меня совершенно не волнует! Мы, люди из двадцать первого века, волей пока неизвестного науке Феномена попавшие на семьдесят лет назад, из 2012 года в 1942-й, свой выбор сделали твердо. Мы растеряли идеализм напрочь, когда при Горбачом и Боре-козле товарищи партийные из верхов толпой полезли в олигархи – и, провалившись в прошлое, считали, что Советских Союзов было два. Один, плакатно-идеальный, с обложек журналов вроде «Знание – сила» и «Техника – молодежи», со страниц романов Адамова и Беляева. И другой, реальный, где черные воронки по ночам, маньяк Берия школьниц на улицах хватает, а Сталин ставит к стенке всех, кто смеет свое мнение иметь. Истинность второй версии вызывала сомнения, все ж не настолько были популярны Солженицын с Новодворской среди защитников Отечества – но ведь «дыма без огня не бывает, что-то да было?» Но вписались мы за своих дедов и прадедов – поскольку за кого еще? Не за американский империализм же, и тем более не за Гитлера! Ну а нейтральной стороной в такой драке быть никак невозможно – да и не осталось к середине двадцатого века на этой планете неоткрытых островов, и «Воронеж», атомный подводный крейсер проекта 949А, не имеет вечного ресурса, как «Наутилус» капитана Немо. И предки, какие бы они ни были, для нас однозначно свои. Поскольку – отцов и дедов не выбирают.

И пока что нам удастся историю менять. Победа здесь была на год раньше. И нашими стали вся Германия (нет тут ФРГ, одно ГДР), а также Италия, Австрия, Греция, и еще половина Норвегии, и черноморские Проливы. Что, конечно, не вызвало к нам любви у наших заклятых «друзей», в пятидесятом едва до атомной войны не дошло. Из-за Китая – поскольку Корея в этой истории тоже наша вся, а вот в Китае до сих пор воюют¹. А мы живем и строим социализм, попав в страшное и прекрасное время – когда за свое счастье надо драться, или работать по-настоящему, не как полвека спустя. Офисный планктон моего времени, с их отношением к работе, здесь бы массово загремел по статье «за саботаж». Зато сталинский СССР показывал экономический рост больше, чем Китай двухтысячных. И жизнь здесь, на взгляд простого человека, реально становилась с каждым годом лучше и веселее, – а ведь еще живы были и те, кто помнил, каково было при царе.

Как это время после назовут? «Сталинская оттепель», по аналогии с иными шестидесятыми? Похоже, что до самого Вождя дошло (как он с поздней историей ознакомился), что нельзя слишком все зажимать, надо дать свободу – инициатива снизу должна быть, равно как и обратная связь. Потому критиковать линию Партии вполне допускается – при соблюдении двух условий: предложить свой конструктивный вариант (и, конечно, с обоснованием), и исключительно между «своими», то есть членами Партии, а не перед массой. Диктатура, конечно, есть, но предпочитает действовать «мягкой силой» – не хватай, суди и вешай, плодя мучеников-героев, а скорее, по Сунь-цзы: высшее искусство – это заставить врага работать на себя. С Деникиным пример известен, с бывшими белогвардейцами на КВЖД, и немцев из Восточной Пруссии не выселяют, хотя нашими разбавляют активно – но в Калининградском университете до сих пор на части гуманитарных специальностей преподавание на немецком, причем прежней профессурой. Равно как и с Южного Сахалина японцев не гонят – хотя не препятствуют тем, кто пожелает, чемодан, пароход, ридна Япония. Касаемо экономики – уже попав сюда, мы с удивлением узнали, что, оказывается, при Сталине существовал немаленький частный сектор (артели), которые по отдельной номенклатуре (например, металлопосуда или игрушки) давали больше продукции, чем госсектор – то, что продвигал Горбач в «перестройку», но, в отличие от его кооперативов, реально работающее, производя продукт². А теперь это и в Конституцию вписали, «трудовая собственность не является эксплуататорской». В общем, повеяло духом свободы, и народ это ощутил.

¹ О том см. предыдущие книги цикла. – *Здесь и далее примечания автора.*

² Соответствует истине! У нас артели запретил Хрущев, в конце 50-х.

Мы не знаем, каким станет здесь светлое будущее для моей страны и коммунистического строя. Но точно знаем, каким оно не должно быть. И если история будет против, решив, что «коммунизм – это тупик» и «Россия не имеет будущего», – то тем хуже для истории.

*Иван Антонович Ефремов,
старший научный сотрудник Палеонтологического института АН СССР,
зав. отделом низших позвоночных Палеонтологического музея и, по совместительству,
начинающий писатель-фантаст.*

Октябрь 1951-го. Москва

«В тусклом свете ламп, экраны и шкалы приборов казались галереей картин». Или с портретами сравнить будет уместнее – разной формы и цвета, разное выражение лиц?

Ефремов отодвинул лист бумаги с написанной строчкой. Сочинять рассказы он начал в сорок втором, в эвакуации (хотя заявление на фронт добровольцем писал – не отпустили). Когда лежал с лихорадкой, не хотелось терять время, – а давняя мечта была, переложить на бумагу все интересное, что видел и слышал он сам, в экспедициях объездивший всю Сибирь, Урал, Среднюю Азию и Дальний Восток. А кроме того, полезно было изложить для читателей, особенно молодежи, некоторые свои идеи, слишком невероятные для того, чтобы стать гипотезами. Был в его жизни опыт, когда маститый немецкий геолог объявил бреднями предположение Ефремова о строении океанского дна. А вдруг среди его читателей сегодня будут те, кто завтра сами станут учеными и, заинтересовавшись, сумеют подтвердить или опровергнуть?

Рассказы поначалу печатались лишь в журналах, вроде «Техники – молодежи» и «Знание – сила». Можно ли считать это занятие серьезным делом для доктора наук, палеонтолога с общесоюзным именем? Так академик Обручев, кого Иван Антонович глубоко уважал и считал своим учителем, написал ведь «Плутонию» и «Землю Санникова». Тем более занимался Ефремов этим исключительно в свои свободные часы.

Было тяжелое для Советской страны время – Отечественная война. В том же сорок втором в составе Северного флота появилась подводная лодка К-25, воплощение адамовского «Пионера», настолько же превосходя по боевым качествам фашистские корабли. Затем был Сталинград, когда Красная Армия ударила с севера на Ростов, операция «Большой Сатурн», и две немецкие группы армий, весь их южный фланг, оказались в котле и были уничтожены. Тогда Гитлер не придумал ничего лучше, чем организовать Еврорейх, союз против СССР всей оккупированной Европы, – но и это не помогло нацистам, в мае сорок четвертого Советская Армия взяла Берлин, бесноватый кинулся в бег, но был пойман и повешен в Штутгарте, после показательного международного процесса. Советский Союз вышел из войны намного более сильным, чем вступил в нее, – став сверхдержавой во главе социалистического лагеря, куда в числе прочих вошли ГДР (помимо довоенной территории Германии, включающая Австрию, Судеты, бывшую польскую Силезию – лишь Восточная Пруссия к СССР отошла) и Народная Италия (с «заморской территорией» Ливией). Ефремов вернулся в Москву вместе с Палеонтологическим институтом, весной сорок четвертого. Видел Парад Победы на Красной площади 16 июля, была отличная погода, ярко светило солнце, по брусчатке шли полки армии-победительницы, в небе пролетали эскадрильи боевых самолетов, оркестр играл марш. И вместе с советскими войсками шли батальоны итальянских Гарибальдийских красных бригад, под песню «Лючия». А затем под барабанный бой на Красную площадь вступила шеренга солдат, держа склоненные фашистские знамена, будто подметая ими мостовую – и бросили к подножию Мавзолея, где на трибуне стоял сам товарищ Сталин. И тут сквозь барабан послышались истошные вопли, похожие на собачий лай – оказывается, это пойманного Гитлера привезли, показать, чем завершилась его авантюра. Бывшему фюреру не стали затыкать рот – лишь чей-то командирский бас спросил, так что слышно было по всей площади:

– Эй, он у вас там не взбесился?

Ему ответил другой голос:

– Да он уже давно бешеный, нехай теперь гавкает! – и дружный хохот солдат в строю.

А после был праздник, народные гуляния, и вечером фейерверк. Не так часто Ефремову доводилось быть в городе летом, это самая экспедиционная пора. Но тот год был особый, – а в следующем снова начались рабочие будни.

Однако еще в то лето, перед парадом, в Палеонтологический музей зашли трое военных со звездочками Героев – адмирал Лазарев, в войну бывший командиром той самой лодки К-25, Юрий Смоленцев, командовавший теми, кто самого Гитлера ловил, Валентин Кунцевич, из той самой группы осназ Северного флота, и с ними две женщины, Анна Лазарева, жена адмирала Лазарева, сейчас служившая инструктором ЦК ВКП(б), ответственным за идеологию и пропаганду, и Лючия Смоленцева, бывшая партизанка-гарибальдийка, тоже участвовала в охоте на фюрера вместе со своим мужем. Примечательно, что все пятеро знали Ефремова именно как писателя, а Анна Петровна настоятельно посоветовала ему в Союз писателей вступить и после там защищала, когда в сорок пятом Ивана Антоновича наконец приняли, а маститая литературная публика признавать фантастику достойным литературным жанром поначалу не хотела.

Первый роман Ефремова, «На краю Ойкумены», вышел в сорок шестом, отдельным изданием в «Детгизе». Поначалу его не хотели брать – иным из ответственных товарищей показалось, что образ фараона похож – страшно подумать, на кого. Но будто бы стало известно, что «наверху» не только не имеют ничего против, но и проявляют живой интерес – и книга вышла, да еще сразу как дилогия. В сорок восьмом были изданы «Звездные корабли» и одновременно уже совершенно не фантастическая, а полностью научная монография «Тафономия и геологическая летопись» – о новой, собственноручно разработанной Ефремовым научной дисциплине на стыке биологии и геологии – тафономии. Изложенные там идеи должны были помочь как геологам, так и палеонтологам в их нелегкой работе по поиску полезных ископаемых и останков древних животных. И это тоже заметили «наверху», указав даже увеличить тираж, чтобы хватило на всех заинтересованных лиц. А сам Иван Антонович в это время был в Монголии – в экспедиции, которую в научных кругах называли Великой (ну так была же у географов Великая Северная экспедиция, в эпоху едва ли не Петра Первого – чем палеонтологи хуже?).

Советская наука была на подъеме. Не только техническая наука – еще до Победы раскопали Аркаим, и появились исторические труды про Великую степь. Так что если до войны в школах историю преподавали от древнего Египта, Вавилона, через Грецию и Рим, и только после про Россию и славян, то теперь официально считалось, что на территории СССР был такой же центр мировой цивилизации, вся разница от египтян и шумеров, что пирамид не строили и с раскопками не повезло. И предки славян издревле жили в симбиозе со степными народами – хотя теория, что Чингисхан (высокого роста, рыжебородый и сероглазый, ну совершенно не монгольский антропологический тип) был вовсе не уроженцем Монголии, считалась пока слишком революционной, как и иные взгляды на существование «монголо-татарского ига» – да и неудобно, писатель Ян за свою трилогию уже Сталинскую премию получил. Археологи вели раскопки в Новгороде, в Ладоге, в южнорусских степях, и мировой сенсацией стала находка берестяных грамот и установление того факта, что еще в одиннадцатом веке (а возможно, и с более ранних времен) «дикие славянские варвары» в массе владели письмом – среди находок были вовсе не князьи или монастырские летописи, а письма простых новгородцев друг к другу³. Дошла очередь и до палеонтологов – еще не были завершены работы по возвращению Института и музея в Москву из эвакуации, как уже составлялись планы экспедиции в Монголию, ставшую сейчас Монгольской ССР, как Тува в сорок четвертом.

Размах был как у советских великих строек – несколько отрядов (численность иногда до сотни человек, на автомашинах, причем в кузо-

³ В нашей истории берестяные грамоты были обнаружены в 1951 г., экспедиция Арциховского.

вах-фургонах («кунгах», как называли их военные) оборудовались походно-полевые лаборатории. С полной поддержкой властей МонССР, Картографического управления Советской армии и Забайкальского военного округа. С привлечением авиации, не только для транспорта, но и аэрофотосъемок, причем в подчинение экспедиции придавались вертолеты (последняя новинка техники). Первый сезон в сорок шестом был разведочным, со следующего уже пошли масштабные раскопки. И результат оправдал затраты – с десятков открытий мирового значения об ископаемом прошлом нашего мира и еще больше диссертаций, ну а для привезенных трофеев пришлось строить новый корпус музея. Особенно всех впечатлили скелеты протоцератопса и вцепившегося в него велоцираптора – вероятно, по какой-то причине погибших одновременно и быстро⁴. Правда, сам Иван Антонович руководил экспедицией лишь по сезон сорок восьмого, однако же проведя самую сложную часть организационной работы. А завершали, к сожалению, уже без него – Юрий Орлов, директор Палеонтологического института и старый друг Ефремова, рассказал, что это вовсе не опала, наоборот, по информации из еще более высоких инстанций (он сам затруднялся сказать, из каких именно), кто-то высокопоставленный якобы выразил недовольство тем, что «товарищ Ефремов не бережет свое здоровье, ведь загубит себя раньше времени». Что было правдой – последняя монгольская экспедиция и впрямь «наградила» Ефремова воспалением нерва в правой руке и небольшим инфарктом, перенесенным прямо на ногах; несмотря на своевременную помощь врачей экспедиции, бесследно все это не могло пройти, а постоянные перемены климата при путешествиях в МонССР и обратно тоже здоровья не прибавляли... Так что в следующие сезоны Иван Антонович разрывался между Москвой и Поволжьем, где у села Ишеево было обнаружено местонахождение древней пермской фауны, даже более интересной для палеонтологов ПИНа, чем «простые» динозавры, несмотря на свои размеры и славу, годившиеся этой местной фауне «во внуки». Не особо рассчитывая на успех, Ефремов попросил увеличить финансирование ишеевских раскопок – не до такого уровня, как монгольских, конечно, но все же... К его удивлению, просьбу полностью удовлетворили, раскопки вновь принесли множество трофеев, а палеонтологи-«позвоночники» были без ума от радости. А этим летом случилась еще одна сенсация, самая новейшая в области палеонтологии. Еще в прошлом году Чудинов (ученик Ивана Антоновича) разведал у городка Очёр в Пермской области местонахождение совершенно новой фауны пермского периода, финансирование снова выделили в требуемом объеме – и раскопки под Очером, по одним лишь результатам этого сезона (а они продолжатся и в следующем), дали и продолжают давать скелеты совершенно новых уникальных животных, каких до сих пор не обнаруживали нигде на планете! Палеонтологи всего мира ныне пребывают в восхищении результатами и выпрашивают возможность приехать в СССР. Удачный вышел год – если считать еще и изданные (как всегда, работа редакции была недолгой) еще две научные монографии Ефремова: «Медистые песчаники» и «Каталог местонахождений пермских и триасовых наземных позвоночных на территории СССР» (в соавторстве со своим учеником Вьюшковым). И вышла первая часть научно-популярной книги «Дорога ветров» – «Кости дракона», рассказывающей о монгольской экспедиции. И Сталинская премия в марте, за «Тафономию», – сто тысяч рублей.

– Не знаете, на что потратить? Ну, Иван Антонович, мне бы ваши заботы, – заметил Кунцевич. – Да хоть ЗИМ купите в полноприводном варианте, сорок пять тысяч всего. А то выделят вам дачу в Подмосковье, для науки и творчества, и каждый раз на электричке добираться будете? Ну а на оставшиеся кутеж устройте в ресторане для всего института, коль желание есть.

Ефремов удивился – такое желание у него было, но он пока никому о нем не говорил⁵. А дачу под Москвой хотя и мог приобрести любой передовик производства (по закону о дачных

⁴ В нашей в истории эти скелеты были найдены в Монголии в 1971 г.

⁵ Именно так он поступил с премией в нашей истории.

садоводческих товариществах, от сорок седьмого года), однако большинство советских людей, даже в немалых чинах, предпочитали летом отдыхать, если не в санатории или на курорте, то у родственников в деревне (очень многие, будучи выходцами из класса рабоче-крестьян, такую родню имели). И не было никаких наметок, что дачу выделяют Ивану Антоновичу за казенный счет – это было привилегией академиков, профессоров, а также заслуженных писателей, артистов, художников, ну и чинов не ниже замминистра, или по крайней мере, завотделом. Однако всего через неделю после того разговора Ефремова уведомили, что дача ему выделена, можете заселяться. Даже место было близко к тому, что сказал Кунцевич, отчего-то усмехнувшись – «где-то на Рублевском шоссе, тихое зеленое место с приличной публикой». Значит, Кунцевич знал? Но в ответ на прямо заданный вопрос Ефремова продекламировал с шутовством:

Мяч брошенный не скажет: «Нет!» и «Да!»
Игрок метнул, – стремглав лети туда!
И нас не спросят: в мир возьмут и бросят.
Решает Небо – каждого куда.

– Омар Хайям, «Рубай», номер стиха не помню, уж простите. Все будет хорошо, Иван Антонович – это главное. А на прочее и прочих – забейте.

Ефремов уже был знаком с этой манерой Кунцевича говорить так, что не понять, когда он шутит, когда всерьез. И при этом еще употреблять привычные слова иначе, чем принято. Иногда Кунцевич даже казался Ефремову, человеком не из СССР, но откуда? Доводилось Ивану Антоновичу в Монголии общаться с потомками русских с бывшей КВЖД, они также не были похожи на советских, манерами и языком, но совершенно не так, как Кунцевич. А как бело-гвардеец мог целых две Звезды Героя получить – нет, в СССР сегодня отношение к «бывшим» вовсе не непримиримое, если даже Деникину дозволили вернуться, по легенде, уважили его просьбу лично к Сталину, «в землю русскую лечь напоследок». Но также, как знал Ефремов, есть негласный порядок (или секретная инструкция?), не позволять таким людям подняться слишком высоко. Хотя в заграничной разведке, с учетом личных качеств, могло быть что угодно. Но тогда Кунцевич не просто боевик, каким пытается себя изображать? И проявляет явный интерес к нему, Ефремову – не только Анну Лазареву сопровождая, но и в одиночку в Институт приезжал. После чего Орлов, вызвав Ивана Антоновича в кабинет, наедине и по секрету сказал:

– А товарищ-то из Службы Партийной Безопасности. Мне удостоверение показывал. И настоятельно просил, чтобы тебе самые наилучшие условия обеспечили. Особенно в политическом смысле – сказал, что всех, кто в товарище Ефремове усомнится, «к нам посылайте, тут все разъяснят». За тобой точно ничего такого нет? С чего бы это такой Конторе – интересоваться.

Ефремов лишь плечами пожал. Моя совесть перед Родиной и Партией чиста. Сам я ничего не просил и никуда ни на кого не жаловался. И вообще, как у нас в России издавна заведено, «будь от нас подальше, и барский гнев, и барская любовь». Неприятно, конечно, что им играют, как проходной пешкой – а после, ради выигрыша партии, и пожертвовать могут? Так наука, а теперь и писательство, не денется никуда. А прочие интриги – да снова бы в экспедицию, хоть в Очер, чай не Монголия, климат помягче. А все же жаль – сначала показалось, что у нас в науке все сильно к лучшему поменялось, бюрократизма стало не в пример меньше, Лысенко вот сняли, поймав за руку на фальсификации результатов, – а в итоге, как часто бывает, обернулось это очередной кампанией борьбы с «не теми», причем инициаторской вовсе не с верхов, которые, к их чести, как раз пытались объективно разобраться – и под этой маркой заодно Палеонтологический институт перевели обратно из биологического в геологическое отделение АН СССР, где он изначально и был. По крайней мере, советская наука стала и в реалии больше на свой идеальный образ походить, когда все товарищи и единомыш-

ленники... неужели это в какой-то степени из-за него? Если Кунцевич явно не по своей воле и инициативе действует, над ним Анна Лазарева, про которую говорят «правая рука самого Пономаренко», который после Победы резко в гору пошел и сейчас входит в число тех, кто возле самого Вождя. Да что за мысли, и не много ли о себе думаю – уж наверное, такие, как Пономаренко, не станут кем-то одним заниматься, а будут порядок во всей отрасли наводить. Ну а что выходит это у нас «в ручном режиме», так не получается иначе. И вообще, как тот же Кунцевич сказал, о хорошем надо думать – позитивный настрой, он жизнь продлевает. Научные дела идут успешно, книги выходят, в следующем году снова в экспедицию, в Очер, и отпуск в этом году отгулял нормально, в Крым съездил вместе с сыном. Не то что в прошлом году.

Тогда, осенью пятидесятого, Анна Лазарева предложила Ефремову поездку на Северный флот в составе делегации Союза писателей, «считайте это творческой командировкой». У Ивана Антоновича как раз было отпускное время после сезона, и отчего бы не съездить на недельку? Вспомнить свое первое увлечение, что было когда-то – мореходное училище в Петрограде, диплом штурмана каботажного плавания, навигация 1924 года на Дальнем Востоке, знакомство с самим капитаном Лухмановым. Но палеонтология показалась Ефремову интереснее – и была после учеба на биофаке ЛГУ, затем Горный институт и научная работа. А оказалось, что море тоже никуда из души не исчезло – только поманило, и вот оно! Что было бы, если бы тогда он сделал иной выбор?

– А ничего хорошего не вышло бы. Стали бы вы, Иван Антонович, одним из многих. И очень возможно, погибли бы, как знакомый вам товарищ Фрейман Эрнест Иванович, кто у Лухманова на «Товарище» старпомом был, затем судно у него принял и десять лет им командовал, – а в сорок первом погиб вместе со своим кораблем, транспортом «Большевик», при эвакуации из Одессы. Сколько из моряков торгфлота пережило войну? И даже если бы призвали вас под военный флаг и повезло бы вам стать, как Матиясевич, тоже бывший торгфлотовец, а после командир гвардейской подлодки «Лембит» – ну, были бы вы одним из многих, как я. А вот профессором палеонтологии, да еще и писателем – у меня бы точно не получилось.

Ефремов не мог понять, отчего экипаж легендарной «моржихи» гвардейцы, герои – относился к нему с таким уважением, причем именно как к писателю, а не палеонтологу. Также он заметил, что многие офицеры лодки К-25 разговором были похожи на Кунцевича – тоже загадка. А сам корабль показался Ивану Антоновичу ближе даже не к «Пионеру» из романа Адамова, а к звездолету будущего. Командир, капитан 1-го ранга Золотарев, услышав это, усмехнулся и сказал:

– Так и немцы думали, и союзники тоже. Не верили, что наши советские ученые и инженеры могут такое построить, и что наша наука, как сказал товарищ Сталин, самая передовая в мире. Распускали слух про «подводные силы коммунистического Марса», который, оказывается, водой покрыт, и корабли там по совместительству и ныряют, и в космосе летают, – и что будто бы марсиане по классовой солидарности нам на помощь пришли. Так скажите, Иван Антонович, разве я на марсианина похож? Или наш Адмирал, который всю войну этим кораблем командовал, а я у него тогда старпомом был, – да вы ведь с ним знакомы, как и с супругой его, Анной Петровной?

Впрочем, откуда военным морякам разбираться в палеонтологии? А вот фантастику в СССР сейчас читали многие – «Техника – молодежи», «Знание – сила», «Наука и жизнь» и вновь открытый «Вокруг света» печатали рассказы, создавались литературные клубы и кружки, даже в провинции, не только в Москве и Ленинграде, и они выпускали свои журналы, самым известным из которых был «Следопыт» (числящийся приложением к «Вокруг света»). Ефремов по старой памяти издавался и там – хотя в Союзе писателей это считалось неприличным для уважающего себя мэтра, ведь вся эта кружковщина обычно идет под эгидой комсомольских организаций, никакого отношения к СП не имеющих, «чему они научат нашу молодежь?» Но Ивану Антоновичу на это мнение было глубоко «забить», как сказал бы Кунцевич, –

и Анна Лазарева в данном вопросе была всецело на его стороне, уж не ее ли заслуга, что в писательстве Ефремову открывали «зеленую улицу», рукописи принимали безоговорочно, вне очереди вставляли в план, не скупившись на гонорары? Но что послужило причиной обратить внимание партийных товарищей именно на него, далеко не звезду первой величины – о лаврах Беляева Иван Антонович и не мечтал, да и Казанцев с его «Пылающим островом»⁶ считался в литературе вообще и в фантастике в частности гораздо более известной фигурой. И какое отношение к этому имели военные моряки Северного флота – откуда, как говорили в Союзе писателей, еще в войну пошла волна песен и стихов, авторы которых остались неизвестными. Причем моряки, в отличие от сотрудников редакции, не стеснялись критиковать написанное Иваном Антоновичем, оценивать и дополнять.

– Ну вот как в вашем рассказе затонувший деревянный корабль мог два века держаться с минимальным запасом плавучести? – говорил товарищ Сирий, инженер-механик «моржихи». – Когда лодка идет в позиционном положении, одна рубка над водой, то в центральном посту ворон ловить нельзя. Если на поверхность начнешь высказывать, еще полбеда, ну а если под воду, с открытыми клапанами воздухоподачи? А такое запросто может быть, когда рулевой-горизонтальщик зевнет, или удифферентовали плохо. Ну и, простите, после столкновения, когда состояние корпуса неизвестно, ни один капитан в здравом уме водолаза во внутренние помещения такого «подарка» не отправит – ведь отцепиться может в любой момент, и что тогда водолазу со шлангом делать? Аквалангист бы еще мог рискнуть, и то сильно на любителя острых ощущений. Достаточно на палубу утопленника спуститься, заложить подрывные заряды, и все!

– И про походы египтян в Индийский океан, загадка истории, – сказал Золотарев, – что финикийцы вокруг Африки умудрились обойти, это достоверно, раз видели «солнце, идущее по небу наоборот», то есть с востока на запад через север, а не через юг, как бывает лишь южнее экватора, и все время держали берег по правую руку. Но у них корабли были получше, уже с высоким бортом, палубные, и корпус из прочного ливанского кедра, и паруса нормальные – папирусные циновки для океана не годятся. И нет достоверных сведений, что египтяне умели строить в те годы мореходные корабли. С другой стороны, в некую «страну Пунт» они ходили, а это, судя по тому, что оттуда везли, явно юг Африки, а не берег Красного моря. Вот только история нам не сохранила, ходили они на чем. Хотя при большом везении можно океан и на тростниковой лодке пересечь. Но при регулярных рейсах потери зашкалят – у южной оконечности Африки условия мореплавания такие, что даже в наше время корабли погибают без следа. Например, кейпроллеры, волны в двадцать метров, а то и выше, возникают даже в затишье – считается, что британский лайнер «Уарата» от них погиб в девятьсот четвертом. А сколько кораблей там сгнуло до изобретения радио, когда и SOS не подать? И компаса египтяне не знали, а без него лезть в океан – это совсем безбашенным надо быть, от берега отнесет, и не сориентируешься никак, даже по звездам – за экватором созвездия другие совсем. Так что поход тот был авантюрой невероятной, плюс удачей, как Магеллану в его «тихом» океане повезло ни единого шторма не встретить. Море шутить не любит и тайны хранить умеет. Если и сейчас неясно, кто Америку открыл, еще до Колумба. Викинги точно в Исландии и Гренландии бывали, а там уже совсем недалеко. Еще в списке ирландские монахи, беглые тамплиеры и даже финикийцы – как в Бразилии камень с их надписями нашли. Две тысячи лет прошло – и на чем уже мы по морям ходим? Для египтян, да и греков, Гибралтар казался краем света – а сейчас Средиземку спортсмены на яхтах пересекают. А теперь представьте, чем для нас Марс будет, когда мы до дальних звезд доберемся?

Так быстрее скорости света все равно не получится лететь, по теории Эйнштейна. Хотя – а что мешает распространяться радиоволнам? Будем принимать передачи, отправленные

⁶ Первое издание, 1941 год. Еще не та знакомая нам редакция, исправленная и дополненная в 1956 г.

сотни, тысячи лет назад. Цивилизациями, которые уже достигли в своем общественном развитии коммунистической фазы. Которая вовсе не «остановись, прекрасное мгновенье», а напротив, эпоха самого бурного развития, творчества, свободы, подлинного расцвета, золотой век, устремленный в бесконечность.

– Не соглашусь по обоим пунктам, – покачал головой Сирий. – Во-первых, Эйнштейн хоть и гений, но вы ж знаете, что полтора столетия назад такой же гений Лавуазье заявил, что «камни с неба падать не могут», и Парижская Академия наук это приняла за аксиому? А в конце века девятнадцатого многие ученые считали, что касаясь физической картины мира все уже открыто. Вы так уверены, что в будущем не научатся тоннели делать в пространственно-временном континууме, как лист бумаги изогнуть и точки на разных концах совместить, так и с трехмерным пространством тоже? Или что Эйнштейнова теория не все описывает. Я вот не уверен, и пари бы точно не принял. И по пункту второму – это, конечно, хорошо, если все разумные существа, кто высокоразвит технически, одновременно и высокой моралью обладают. Но пока это не доказано, меня, как человека военного, волнует, не прилетят ли лет через пятьсот какие-нибудь с Альфы Центавра и не объявят ли нам войну жестокою и беспощадною – поскольку мы для них не люди, а кто-то вроде обезьян.

– Ну, это вы, видимо, основываетесь на тех же книгах американских и западноевропейских фантастов, – улыбнулся Ефремов. – Хотя, может быть, вам, как военному, действительно близок именно такой подход – с точки зрения возможной опасности, но на самом деле их писатели лишь переносят на развитые цивилизации современные противоречия капиталистического мира. Они уверены, что инопланетное общество должно быть таким же капиталистическим, как и их собственное – потому что другого, более развитого, общества просто не представляют, или же если и представляют, то про это никак нельзя писать в странах капитализма.

– Не только западные писатели так пишут, – тут же возразил Сирий. – Красная звезда, символ планеты Марс, стала и символом Красной Армии и Флота, потому что тогда наивно верили, что раз Марс старше Земли, то там уже победила коммунистическая революция. Однако в одноименном романе Богданова, написанном в 1908 году, высокочудные и коммунистические марсиане всерьез рассматривают вариант истребления населения Земли, «включая и социалистический пролетариат», ради своих марсианских интересов, – отвергли такое предложение, а ведь могли бы и принять? А ведь Богданов не буржуазный писатель, он вместе с Ильичом на Втором съезде Партии был.

– Богданов тоже не был свободен от предрассудков своей эпохи, – ответил Ефремов. – Да, вы правы, уровень технического развития напрямую с высокой моралью связать нельзя. Но задача покорения и освоения космоса несомненно будет самой великой и сложной из всех задач, что когда-либо выполняли люди, – и разве может капиталистическое общество с его многочисленными противоречиями выполнить ее? Нет! Взгляните на историю наших земных государств. От первобытного общества люди переходили к более высоким формациям, и при этом им приходилось объединяться, чтобы решать все более сложные задачи. Один человек не мог бы выжить и успешно охотиться в суровой первобытной природе, но на это было способно племя. Мелкие племена и отдельные поселения не могли строить необходимые для земледелия плотины и оросительные каналы, но на это были способны государства. Это и была эволюция человеческого общества – все более сложные задачи требовали сотрудничества все большего числа людей, для этого им надо было объединяться и постепенно избавляться от возможных предрассудков по отношению друг к другу. И эта эволюция еще не завершена! Не может быть сомнений, что ради освоения космоса, ради того, чтобы человечество «вышло из своей колыбели», как сказал Константин Циолковский, потребуются уже объединенные усилия всех людей Земли. Все народы научатся сотрудничать друг с другом и в дальнейшем объединятся в единое земное человечество – иначе настоящий выход в космос останется невозможным! Жюль Верн и Уэллс описывали космические путешествия, которые организовывали

небольшие сообщества или даже отдельные гении-одиночки. Но сегодня нам ясно, что подобное невозможно, даже для простого выхода в космос единственный раз – потребуются могучие усилия как минимум сильных держав, а для настоящего завоевания космического пространства – объединенные усилия всего человечества. А для того, чтобы подобное объединение осуществилось, и необходимо избавиться от обычных противоречий капиталистического и более ранних обществ и развить в себе стремление к сотрудничеству. Таким образом, действительно более высокий моральный уровень станет не результатом технического развития, но необходимой предпосылкой для освоения космоса. Общества, достигшие такого уровня, уже неспособны будут на войну – она просто устареет, – разум будет вести их к тому, чтобы находить пути сотрудничества и с иными цивилизациями при встрече.

– Может быть, вы и правы, – сказал Золотарев, – но я не забуду, как мы в сорок первом, читая Николая Шпанова и посмотрев фильм «Если завтра война», считали, что агрессия капиталистических стран против Страны Советов невозможна, поскольку солдаты, по классовому братству, перейдут на нашу сторону, а пролетарии парализуют забастовками тыл врага, – а оказалось, что немецким пролетариям больше нравится быть высшей расой, чем братьями по классу. Война межпланетная гораздо страшнее – потому что враг там не люди, то есть гуманизм к ним невозможен по определению. Если даже для нас, людей с коммунистическим воспитанием и моралью, свои погибшие – это жертвы, а чужие – статистика. Вот вы, Иван Антонович, много сожалеете о двух миллионах туземцев Мадагаскара, что перебили там не какие-то нацисты, а культурные французы, когда присоединяли этот остров к своей колониальной империи?⁷ А сильно вы возмущаетесь по поводу зверств бельгийцев в Конго, где было истреблено еще больше – Марка Твена прочтите, его публицистику, где он бельгийского короля за это сравнивает с Чингисханом или Тамерланом. В нашем уже веке в двадцатые, когда те же французы подавляли восстание риффов в Марокко, у культурных парижан в мундирах была такая мода – слать домой свои фотографии на фоне груди чужих отрезанных голов – и никакого возмущения во Франции и во всей Европе это не вызывало.

– Вы не правы, – нахмурился Ефремов. – Разумеется, каждый порядочный человек должен сожалеть о миллионах невинных людей, погибших в результате подобных завоевательных походов якобы цивилизованных стран и испытывать возмущение подобным – должен! Но я понимаю, что вы хотели сказать. Конечно, на каждого из нас гибель близких нам людей производит гораздо больше впечатления, чем смерти людей далеких и незнакомых. Но не следует это путать с теми предрассудками, которые заставляют одни народы считать себя выше других, и распространять свои моральные принципы только на людей одной с собой национальности или расы – это совсем другое дело. Вы снова лишь переносите те отношения, что существовали еще недавно, а где-то существуют и теперь у нас на Земле, – на более продвинутые цивилизации, которые, развивая в себе склонность к сотрудничеству, избавятся от подобных предрассудков. Или же они уничтожат сами себя еще задолго до того, как смогут путешествовать к другим звездам – их цивилизация не выдержит внутренних противоречий, люди не смогут объединиться во всепланетное человечество, и освоение космоса станет невозможным – свои ресурсы такая цивилизация будет тратить на борьбу «внутри себя». Европейцы и американцы не так давно считали негров и индейцев нелюдьми из-за другого цвета кожи, а не развившиеся до покорения космоса цивилизации точно так же могут испытывать неприязнь и презрение к непохожим на них жителям других планет, потому что у них глаза другого размера или непохожая форма черепа и скелета – в сущности, это ведь одно и то же! Когда люди научатся без предубеждения относиться к непохожим на них жителям своих же планет – они точно так же

⁷ Соответствует истине. В 1895 году население Мадагаскара оценивалось в 5 млн чел., в 1915-м после окончательного завоевания насчитали менее 3 млн.

избавятся от подобных предрассудков и в отношении инопланетян. Разум будет править высокоразвитыми цивилизациями, способными на межзвездные перелеты.

– Ну, в логике вам не откажешь, Иван Антонович, – улыбнулся Сирий. – Все по полочкам разложили, аргументация сильная. Однако есть и в ней одно слабое место. Что только единая всепланетная цивилизация способна на настоящее освоение дальнего космоса, а множество отдельных капиталистических стран скорее предпочтут тратить ресурсы на борьбу друг с другом и внутри себя, – тут согласен.

Золотарев хмыкнул так, словно вспомнил что-то похожее...

– Но вот забыли вы, Иван Антонович, что объединение всего населения планеты в единую цивилизацию может произойти не только путем мирного сотрудничества, но и путем завоевания. Представьте себе, что на другой планете страна наподобие наших США или, того хуже, фашистской Германии смогла завоевать или иным путем подмять под себя все другие страны, объединила планету, может быть, даже как раз под лозунгом прогрессивности единого человечества, истребила все народы, считающиеся «второсортными», а остальное человечество объявила высшей избранной расой... И элита такой страны, избавившись от внешних врагов, смогла подавить и внутренние противоречия, укрепить свою власть, оболванить народ хорошо развитой пропагандой, используя для всего этого самые передовые достижения науки – ведь и фашисты старались свои науку и технику развивать! И, объединив таким образом свое инопланетное человечество, такая цивилизация приступает к освоению космоса, чтобы усилить свою власть еще больше. Как думаете, возможно такое?

– В принципе, такой возможности нельзя исключать, – после некоторого размышления признал Ефремов. – Хотя нормальный путь эволюции общества ведет к коммунизму, наверное, иногда могут быть и исключения – цивилизации, которые силой смогли остановить общественное развитие.

– А если такое «исключение из правила» окажется поблизости от нас? Потому только когда и если примем радиопередачи от высокоразвитых братьев по разуму, тогда во всегалактический мир поверим. А пока что мы знаем, опытным путем установив: любой агрессор всегда и везде понимает лишь один язык – силы. Его не остановят мудрость, красота, любовь, – а лишь страх, что ему самому ответка прилетит; и когда на их планету гробы пойдут потоком, тогда лишь будет кто-то протестовать, «долгой войну». А вообще, вам бы, Иван Антонович, о том надо с нашим Адмиралом поговорить, или с его супругой. Или с Юрием Смоленцевым – вот кто собаку съел на спорах со святошами на морально-этические темы. А мне достаточно – моя страна сказала: «Это враг, уничтожить». А рефлексировать будем после, если живы останемся, победив.

– По отношению к агрессорам только такая политика, конечно, и может быть верной, – и не подумал возражать Ефремов. – Но вы забыли еще одно: а ради какой цели могут вестись междупланетные войны? При гигантских расстояниях между планетами, а тем более между звездами – даже ближайшими соседями, – космическое путешествие само по себе потребует огромных ресурсов! То есть захваченное на чужой планете будет чрезвычайно трудно и дорого доставить к себе, и расход ресурса на любой завоевательный поход во много раз превысит любые возможные доходы. Даже капиталисты или фашисты, освоившие межзвездные полеты, не станут воевать ради самой войны, или из абстрактного «служения злу» – мы же материалисты? Гитлер, хоть и провозглашал идею избранной расы и неполноценности остальных народов, на деле хотел лишь ограбить и колонизировать весь мир, захватив чужие земли, зерно, полезные ископаемые, рабов.

– А что мы знаем сейчас о технологиях века двадцать второго, и тем более об экономике: какая будет себестоимость тонно-километра и производительность космических верфей? – сказал Золотарев. – Во времена Магеллана, снарядить в Ост-Индию кораблик в триста тонн, по теперешним меркам тьфу, стоило целого состояния какого-нибудь не самого бедного

торговца, – а теперь пароход в десять тысяч тонн с верфи сходит за четыре недели, и гоняли эти «Либертосы» через океан сотнями. Равно как и вполне может быть: вот откроют на какой-то планете за сто световых лет некий сверхценный ресурс, вроде эликсира бессмертия, овладение которым окупает любые затраты.

– А вот это уже не научный взгляд на мир, – твердо ответил Ефремов. – Как бы ни развились технологии будущего, они не могут обойти обыкновенные законы физики. Точно так же, как любой инопланетный ресурс всегда будет состоять из тех же самых химических элементов таблицы Менделеева, которые есть и на нашей Земле. Так что проще будет его синтезировать на месте, чем вести издалека. Оставим такие идеи на откуп легкомысленным фантастам, больше думающим о развлечении читателя, чем о точности научных данных в их книгах.

– Тут ты в самом деле не прав, Петрович, – поддержал и Сирий. – Но взгляните на это с такой стороны, Иван Антонович. Предположим (как вы сами обосновали в вашей книге, с которой я совершенно согласен), что разумные существа будут иметь примерно схожий с нами вид: размеры, телосложение, прямохождение, по две руки и ноги, то есть в общих чертах быть человекоподобными. Также, если инопланетная жизнь основана на кислороде, как у нас, – то это накладывает жесткие условия на температуру, атмосферу, наличие воды, уровня космической радиации, состав биосферы – планета должна быть землеподобной, а не выжженной пустыней и не газово-жидкостным гигантом. Согласно «Занимательной астрономии» Перельмана, в нашей Солнечной системе к таковым относится одна лишь Земля, так что я совершенно не верю ни в венерианские джунгли, ни в прекрасных марсианок... но это к слову. Но планеты нашего типа, со всем необходимым для цивилизации, сиречь колонизации, встречаются во Вселенной не так часто, а если учесть накладываемое Эйнштейном ограничение на скорость перемещения, а значит, и на размер обследуемого пространства, то их число в доступности от предполагаемого агрессора еще уменьшается. Теперь же представим цивилизацию, вступившую на путь, который уже показывает нам США – когда лекарством от новой Депрессии и перепроизводства провозглашается постоянное обновление товара, с объявлением прежнего, еще физически не изношенного, «немодным», «морально устаревшим». Завтра так вообще додумаются, чтоб, например, автомобиль служил лишь пяток лет, а после, на свалку. Это выгодно, это прибыльно, это даже стимулирует технический прогресс – но также скорость перемалывания природных ресурсов в мусор увеличивается в разы, если не на порядки. Но что с планетой будет лет через сто или даже меньше – атмосфера отравлена, в море не вода, а раствор химических отходов, земля превратилась в свалку, почва истощена и больше не родит, леса все вырублены, руды и минералы потрачены – зато население успело расплодиться до десятков миллиардов, а технический прогресс позволил создать космофлот. И вот, жители такого изгаженного мира обнаружат пока еще чистую планету, населенную неразвитыми аборигенами – ситуация из романа Вилиса Лациса «Потерянная родина», райский остров где-то в Южных морях, приплывает европейский корабль, и очень скоро там вместо джунглей плантации, всем работать на благо цивилизации, поганые дикари! И глубоко плевать пришельцам на культуру, историю, любую высшую мудрость аборигенов – ради жизненного пространства и ресурсов.

– Нет, все же я с вами тут не соглашусь... – ответил Ефремов. – Даже в отношении капиталистической цивилизации. Цивилизация, которая сумеет построить космофлот для массового переселения через космос – тем более сможет привести в порядок собственную планету, это и дешевле, и быстрее. Рост населения проще контролировать, чем строить для них дорогостоящие космические корабли, а в крайнем случае можно его разместить на искусственных станциях на орбите и в пространстве своей звездной системы. Минеральные ресурсы развитой космической цивилизации легче добывать из астероидов, чем колонизировать ради них далекую планету в иной звездной системе. Даже инопланетная логика инопланетных капиталистов должна подчиняться простой экономической целесообразности. Да и число просто пригодных к колонизации планет должно быть в тысячи раз больше, чем число планет, на которых смогла

зародиться разумная жизнь – так что и драться из-за них смысла нет. Кстати, и рабство с плантациями при развитых технологиях никому не будут нужны – даже Герберт Уэллс уже это понимал, поэтому у него марсиане людей захватывали в плен исключительно для пропитания (хотя и это тоже нелогично – разводить скот просто-напросто во много раз выгоднее экономически), а работали у них машины. И вообще, любая колонизация иных планет в привычном нам понимании не имеет смысла, при условии, конечно, что не будет открыто, как достичь сверхсветовой скорости, а это все же считается невозможным. Я здесь, конечно, имею в виду именно колонизацию, подобную той, что мы видели в истории нашей Земли – заселение Америки, Африки, Австралии... Слишком дорого это будет обходиться при масштабах космических расстояний.

– Насчет колонизации по принципу американской или африканской вы правы, – ответил Сирий. – Но возможен и вариант, что космическая цивилизация, так сказать, исключительно ради идеи, точнее ради своей безопасности распространяет саму себя по вселенной – осваивает новые планеты, чтобы занимать больше пространства и тем самым уменьшить вероятность своей гибели при каком-нибудь космическом катаклизме вроде взрыва сверхновой или угасания своего солнца.

– Тогда, если их интересует прежде всего своя безопасность, они как раз и поостерегутся ввязываться в войну с другой планетой, – возразил Ефремов.

– Если только не сочтут население этой планеты настолько примитивным, что никакой угрозы в нем не увидят, – парировал Сирий. – Или вот вам еще вариант: представим очень старую цивилизацию, которая вышла в космос тысячи и десятки тысяч лет назад, ресурсы не только ее планеты, а даже всей ее звездной системы подходят к концу – разобраны на поиск руд все астероиды, выбрано все с малых планет и спутников планет-гигантов... Такая цивилизация вполне может перейти к кочевому образу жизни – с помощью созданного огромного космического флота путешествовать от системы к системе, как кочевники через пустыню от оазиса к оазису. В каждой новой системе этот рой космических кораблей может остановиться на века и тысячелетия, а их население даже переселится на подходящую для жизни планету, если такая обнаружится. А может быть, наоборот – предпочтет остаться жить на кораблях, как ему привычнее. И останется в системе до тех пор, пока не выжмет из нее все доступные ресурсы. После чего снова снимется с места и двинется к следующей цели – как кочевники, которые оставались в оазисе, пока их скот не выпивал всю воду в колодцах. Вот встреча с такими «кочевниками» или «колонистами» и может оказаться для нас небезопасной. «Колонисты», желающие лишь занять как можно больше места, могут заинтересоваться нашей планетой как местом проживания, а «кочевники» – ресурсами Солнечной системы. И не факт, что удастся решить дело миром. Что те, что другие могут посчитать, что для них удобнее избавиться от конкурента в сфере ресурсов или жизненного пространства. Причем если «колонисты» могут быть малочисленны и уже из-за этого не стремиться к войне, которая может стоить им гибели, то для «кочевников», отправляющихся в полет всем народом, такой проблемы не стоит. И даже если они решат не вступать в конфликт с аборигенами, находящимися на низком по сравнению с ними уровне развития, а просто разграбят все доступные ресурсы, находящиеся вне обитаемой планеты, и улетят восвояси – это будет фактически отсроченная гибель для аборигенов, так как в опустошенной системе им позже нечего будет осваивать самим и их цивилизация не сможет накопить сил для собственного выхода за пределы звездной системы. Вот примерно так могут выглядеть причины межзвездных конфликтов, Иван Антонович. Как видите, ничего принципиально невозможного ни с точки зрения законов физики, ни с точки зрения общественного развития. Да, может быть, агрессивные цивилизации в космосе и исключение, но сбрасывать со счетов возможность встречи с ними тем не менее нельзя.

– Тогда есть еще и третий вариант – нечто среднее, – добавил внимательно слушающий Золотарев. – Когда «колонисты» не дожидаются полного истощения ресурсов своей системы,

а заранее начинают планомерно заселять окрестные, по мере уменьшения своей «кормовой базы» выбрасывая туда все большие волны переселенцев. Тогда, если первая волна «колонистов» и будет малочисленна, то с каждой последующей будет приходить все больше сил. Причем у этих «колонистов» или «кочевников», конечно, вполне может быть «свобода, равенство, братство», сугубо для своих. Или когда-то в далеком прошлом их цивилизация могла даже быть настоящей коммунистической, но за время долгих перелетов по космосу с ними что-то произошло, отчего они деградировали в общество более низкой формации и считают аборигенов чужой планеты не за людей, а за кого-то вроде муравьев, которых нечего жалеть. Или инопланетяне могут вообще не задумываться о таких вопросах, а мыслить исключительно прагматично и рационально: что чем меньше претендентов на территорию и ресурсы, тем больше достанется их собственному народу.

– Тогда это у них никак не социализм и не коммунизм, – покачал головой Ефремов. – А некое извращенное его представление. Вот, кстати, вам не кажется, что эта война и Победа сделали нас самих другими? Я несколько раз слышал слова «Красная империя», от самых разных людей – в том числе и здесь, на борту. До войны так не посмел бы сказать никто. Мы победили в том числе и благодаря этому. Но не потеряли ли при этом и что-то ценное, важное? У фашистов ведь тоже было – своим все, чужим рабство.

После этих слов в кают-компании повисло напряженное молчание.

– Разница принципиальная: для фашистов порабощение соседей является необходимым условием существования, – произнес Золотарев. – Быть «юбер» над кем-то. А мы руку помощи протягиваем тем, кто готов с нами встать рядом, то есть действуем именно как стремящееся к сотрудничеству общество, о котором вы говорили. Но уж если мы в настоящий момент цитадель и арсенал социализма здесь, на этой планете (пока до других не добрались), то у нас тут должна быть организующая структура, сиречь государство. А существование государства подразумевает государственные интересы – соблюдение которых, при таком раскладе, это необходимое условие для конечной победы мирового коммунизма. Значит, мы исторически прогрессивны, – ну а тем, кто от нас по ту сторону мушки, не повезло. Даже если они притворяются «нашими», как Мао или Троцкий. И кстати, вот вам как раз пример извращенного понятия о коммунизме, которое могло бы быть у пришельцев – строй, отвергающий индивидуальность вообще, как мы можем видеть в пчелином улье или муравейнике. Если здесь, на Земле, тот же Мао пытался у себя построить нечто подобное – и слава богу, что помер. Прилетит орда таких вот идейных, считая нас «разложившимися» и «обуржуазившимися», и пожелает нас привести к светлым идеалам, ради нашего же блага, – а я не хочу!

То есть в теории возможна война между социалистическими государствами (а также народами или цивилизациями)? Ну, или столкновение социалистического государства с... «извращенно-социалистическим»? И не так все просто с зависимостью технического уровня от общественного – можно ли точно сказать, что эксплуататорское общество не способно строить космические корабли? Да, такое положение должно являться скорее исключением, чем правилом, но все-таки...

– А вы пишете, Иван Антонович, – серьезно сказал Золотарев. – Вы не думали, что фантастика имеет еще одну роль? Быть зеркалом будущего, моделировать, «что будет, если» – и оценить вероятность такого, если картина выйдет непротиворечивой. Творите, дерзайте, – а мы прочтем и оценим. Если «строго говоря, динозавры не вымерли – эти живые формы возрождаются, если природа придет к таким же условиям, после такого же процесса».

Учебный и короткий выход в море обернулся боем – как сказал Золотарев, потоплен легкий авианосец типа «Индепенденс», бывший американский. И крейсер типа «Омаха», и восемь эсминцев американской постройки – вся эскадра, не уцелел никто. Там было больше трех тысяч человек – американцев, англичан, норвежцев. Может быть, пять лет назад в этих же водах, эти же люди шли в СССР с миром и ценными грузами, когда мы были союзниками в

той войне, против германского фашизма. Теперь США и Англия наш враг – а на Рейне рядом с советскими войсками (и в строю еще много тех, кто плыл через Одер, и брал Берлин) стоят дивизии Фольксармее под командой Роммеля, Гудериана, Гота, готовые к броску на Париж. А в Китае уже упали атомные бомбы, и наши, и американские, число убитых идет на десятки тысяч. Вторая Великая война была через двадцать лет после первой, когда успело вырасти новое поколение, не знавшее бойни Вердена и Соммы. Неужели Третья начнется сейчас, едва через пять лет, с теми же людьми, кто совсем недавно вместе радовался наступившему миру?

Нет, не началась. Конфликт был урегулирован дипломатами, К-25 вернулась в Полярный, главную базу Северного флота, на пирсе играл оркестр, экипаж был выстроен на палубе, и взошел на борт сам комфлота, поздравил моряков с победой, от лица Партии, Советского правительства и лично товарища Сталина, и вручил награды – орден Ленина Золотареву, Ушакова 1-й и 2-й степени офицерам, медали старшинам и матросам, и гости, Ефремов в их числе, тоже получили по медали, как полноправные участники боевого похода. Ну а те, кто погиб в ледяных волнах Норвежского моря, «им просто не повезло».

– Моя страна, даже если и неправа – но это моя страна.

Может быть, эта война и была справедливой для СССР. Но в далеком будущем, когда где-то в космическом просторе вдруг встретятся корабли разных цивилизаций – может, даже коммунистических, но под командой таких, как Золотарев. Неужели первой реакцией будет, взять чужаков на прицел, опасаясь агрессии?

– А вы пишете, товарищ Ефремов, творите, представляйте, прогнозируйте! А мы прочтем и оценим.

СССР уверенно шагал вперед, становясь сильнее. Промышленность перевыполняла план, строились новые заводы и жилье, росло благосостояние советских людей – давно отменили карточки, и уже собственные автомобили стали явлением пока не частым, но уже и не вызывающим удивления, каждый год 1 апреля публиковался указ о снижении цен. В то время как мировой империализм показал свое звериное лицо, окончательно сбросив маску «союзников» и грозил нам атомной войной, а пока что истреблял народы Китая, Вьетнама и африканских стран, пытавшихся сбросить колониальное иго. И самой передовой в мире советской науке пришлось заниматься повышением оборонной мощи СССР – мы испытали атомную, а затем и водородную бомбы раньше американцев, наверное потому на нас и не решаются напасть.

– Без духовной опоры и меч не крепок в руке воина, – сказала Анна Лазарева. – «Александр Невский», фильм, помните? Неизвестно, говорил ли сам Александр эти слова, но истинность их несомненна. Огромная ведь разница – французы в сороковом, и мы в сорок первом. Фантастика же ценна тем, что как зеркало показывает возможное будущее – и заблаговременно поднимает вопросы, что делать, когда это случится. Вы не задумывались, как бы вам написать роман об ином светлом будущем – который будет полезен не одной молодежи. Про мир через тысячу лет, когда не только вся Земля объединена коммунистической идеей – но и к далеким звездам летят посланцы человечества. Такой роман будет очень своевременен и полезен. Конечно, мы ценим товарищей Долгушина, Немцова, Гуревича, равно как и линию «ближнего прицела». Однако Партия считает, что бояться смотреть дальше вперед – это непростительная ошибка. Так что дерзайте – а мы оценим. И думаю, что в Союзе писателей никто не станет возражать.

– Последний вопрос, Анна Петровна. А отчего вы думаете, что я справлюсь? Тут фигура уровня Беляева или Адамова нужна, а я – скромный палеонтолог.

– Я не думаю, Иван Антонович, я знаю. А откуда – на этот вопрос сейчас позвольте не отвечать.

Валентин Кунцевич. В 2012 г.

*старлей морской пехоты СФ,
в 1953-м – полковник, дважды Герой*

Оказывается, в сталинском СССР жить очень даже неплохо! Скажете – тем, кто люди не рядовые, а каково простому человеку? Так ведь даже тут есть разница, в элите страны те, кто имеет реальные заслуги перед Отечеством – или всякие березовские и ходорковские, кто подсуетился больше всех украсть? Да и обычным людям – квартиры дают, цены снижают. Москва сорок пятого и сегодня, через девять лет, – заметно в лучшую сторону отличается, если по улицам пройти. И в провинции при советской власти дома культуры, или просто клубы с библиотекой-читальней и кинопередвижкой почти в каждом селе, как при царе церкви, были – и эти очаги культуры работали, в отличие от наших двухтысячных. Так что прав Иосиф Виссарионович, «жить становится лучше и веселее», под этими его словами и я подпишусь!

О себе скажу – воевал честно. После Победы остался в кадрах, пришлось во всяких делах поучаствовать, – но после китайских приключений три года назад стал «невъездным». И сейчас числюсь в Службе партийной безопасности (она же в просторечии «инквизиция») – следим, чтоб процесс демократизации не перешел безопасные рамки и не превратился в майдан. Кстати слово это (в турецком, «рынок») здесь ассоциируется с киевским мятежом сорок четвертого года (отсутствующим в нашей истории), когда бандеровцы при попустительстве тамошнего *первого*, Кириченко, устроили кровавую вакханалию, в расчете даже не на победу, а чтобы «кровавый сталинский режим» угробил при подавлении возможно больше народа, чтоб показать миру – ОУН еще не вмерла. Я был там – конечно, с теми, кто наводил порядок, «бандеровец – к стенке». А командовала нами Аня Лазарева, как чрезвычайный и полномочный представитель Москвы, имея в кармане грозную бумагу с подписью «И. Ст.». Ну а теперь загнали меня, бойцового волчару, в Академию – это тоже заведение интересное, по первоначальному замыслу, готовившее спецов по теме, «как ослабить и свалить чужую власть во вражеской стране – и, соответственно, мешать врагу сделать то же у нас». Но затея быстро переросла изначальные границы, и похоже, Пономаренко всерьез рассматривает нас как «школу, где учат правильно управлять Советской страной», то есть как курсы подготовки высших кадров парт- и госаппарата. Хотя открыто это пока не озвучивается нигде.

А какой предмет в любом советском вузе (даже в столь специфичном) первый в списке? Правильно – марксистско-ленинская философия, научный коммунизм, история Партии – названия разные, суть одна. Может, оно и верно – зачем нам отличник, но «не наш», в девяностые проходили. Так что изучаем «Краткий курс», написанный вы знаете кем. Кто сейчас в Кремле сидит, живее всех живых – и, я надеюсь, проживет еще долго. Поскольку хоть и немного я его вблизи видел, а тем более лично общался, – но мое мнение, что товарищ Сталин – человек вполне адекватный. Даже в нашей истории, ну не мог бездарь «принять страну в разрухе и с сохой, оставить сверхдержавой с атомной бомбой». Ну а когда он еще и о будущем узнал – вот был бы я сентиментальным, то пожалел бы капиталистов!

В бытность мою в Китае слышал я, как там «экзамен на чин» проходил – не было там дворянства в нашем понимании. Сдай экзамен, и в чиновники – низшая степень, в уезд, средняя, в губернию, высшая, в столичный аппарат. И заключался экзамен в том, что надо было взять какую-то цитату из Конфуция (или иной столь же уважаемой книги) и творчески развить применительно к какому-то предмету. Сейчас наблюдаю, как Костя Мазур отвечает:

– Учение ленинизма истинно, потому что верно отражает законы исторического развития. Если я живу по правилам коммунизма – значит, каждым своим шагом способствую историческому прогрессу, делаю мир лучше, приближаю его к высшей цели. Которая будет достигнута, даже если я этого не увижу. И даже если я погибну, то умру не напрасно.

С пафосом отвечает – ну а как иначе? Однако искренне верит в то, что говорит. И ведь не пацан зеленый, тридцатник уже стукнул, и в нашей команде с сорок второго, как через Неву плыли резать немцев на ГРЭС-1. Да ведь и я вспоминаю, как мне в той, уже бесконечно далекой

жизни батя рассказывал, что когда он студентом был, тоже года пятидесятые или шестидесятые уже, то искренне жалел американцев и прочих из капстран – «они без цели живут, только чтоб существовать». Сейчас увидел я, что не врал, есть в этом времени такое, и в массе.

Ну, сдал и я, ответить нетрудно, был бы язык подвешен. А в перерыве ко мне Тамара Корнеева подошла – было тут дело совсем недавно, и в завершение я ее на руках до санитарной машины нес⁸. Думал я, после разойдемся мы, как в море корабли – ну, помог я тебе, как боевому товарищу, и только. Марию забыть не могу, с которой мы месяц всего и были женаты – и лишь могилка осталась в городе Львове. Да и не в моем ты вкусе, вот не нравятся мне брюнетки. Что, опять по делу и с советом – ну что там сегодня у тебя?

– Валентин Георгиевич, вы так хорошо говорили! А я вот спросить хотела, что посоветуете...

И кем только мне здесь (по документам) побывать не пришлось – и Куницыным, и Кунцевичем, и Валентином, и Василием, и Владиславом, и Степановичем, и Сергеевичем, теперь вот Георгиевич. Завидую Юрке Смоленцеву – который в некотором роде сейчас публичная фигура, а оттого устоявшуюся биографию-«легенду» имеет. Ну а некто «Куницын» до сих пор в розыске Международного уголовного суда, «за военные преступления», что в Китае, на некоей базе ВВС США имели место. Зато три новейших бомбардировщика В-47 на советскую территорию перегнали – один и сейчас в Монино стоит. Ну а все прочее – нехай клеветают! Но свое мнение оставляю при себе, поскольку подписку давал. Так что ты мне сказать хочешь?

– В воскресенье мы с девчонками играли в «ответы», ну это когда по кругу зажженную спичку передают, и у кого она погаснет, тот должен на вопрос правду ответить.

У нас на китайском фронте эта игра гораздо жестче была. Вместо спички – граната с выдернутой чекой, обычно играли с салагами, кого хотелось испытать. «Лимонка» учебная, лишь запал хлопнет, но это я знал, а салаги нет – и вот интересно, рассчитает выкинуть из окопа точно за мгновение до, или слишком осторожным окажется, или слишком безбашенным? Последняя категория для нас не самая лучшая – это в пехоте надо, хоть сам на амбразуру ложись, а рубеж возьми, а в спецуре холодная голова даже больше смелости нужна. И в бою мы делали – кольцо долой, отсчитать секунду и лишь после бросать, тогда враг даже лечь не успеет. Вот только всякое при этом бывает – Серега Куницын, чей позывной я себе взял, так погиб в Берлине, за день до Победы.

– ...и мы обычно спрашивали: «А какая у тебя мечта», – продолжает Тамара, – и отвечали обычно: «Ученой стать и что-нибудь открыть, или новый город построить, или сады в пустыне», вот как сейчас в газетах пишут о будущем освоении целинных земель. Варя ленинградская даже сказала, на Луну полететь хочу, как в романе Беляева, и чтоб в числе первых. Но есть у нас одна... так она лишь усмехнулась и ответила: «А я мечтаю выйти замуж за важного ответственного товарища и чтобы квартира была в пять комнат». Ну мы ей и устроили обструкцию и бойкот! Так, Валентин Георгиевич, может, надо было и по комсомольской линии? И вообще, из наших рядов вон!

Стоп, Тамара, прежде всего, этой несознательной лет сколько?

– Шестнадцать уже исполнилось! Так в этом возрасте молодогвардейцы уже с немцами воевали! А эта лишь о женихах и о тряпках думает! Мещанка!

Тамара, так ведь, я смотрю, и ты одета модно, красиво. Как и многие здесь.

– Так это совсем другое дело! Если товарищ Смоленцева или товарищ Лазарева одобряют. Значит, это не противоречит коммунизму?

А с чего это противоречие начинается, не видишь? Объясню популярно, только, уж прости, на своем материале. Воевать можно и дубинами, как первобытные люди когда-то, – но мне с АК сподручнее, для меня это средство, рабочий инструмент. Так и одеваться можно хоть в

⁸ См. «Красные камни».

шкуры – однако так, как ты сейчас, и тебе лучше, и мне смотреть приятнее. Когда для тебя это необходимое средство, чтобы жить и исполнять свои обязанности – это норма. Когда же фетиш, в ущерб делу и вред твоим товарищам – это обывательство. Я так понимаю – если несогласна, возражай.

– Да нет, все правильно. Но как тогда нам эту... наказать? Я, как комсорг, хочу, чтоб и по идее, и по справедливости!

Наказывать за одни лишь слова – тогда, по логике, и наоборот, если кто-то орет, что умрет за Родину и за Сталина, то ему за одно это орден вешать? И какой урок другие вынесут – что впредь молчать надо, или говорить правильное, а думать подлое, и как до дела дойдет, предать? Помните, как нам про Веру Пирожкову рассказывали – была ведь внешне положительная советская студентка, а как немцы пришли, стала их истовой прислужницей, идейным нашим врагом⁹.

– Да нет, что вы! Ведь все же друг у друга на виду. И если врет, то видно. Да и Пирожкову ведь разоблачили, когда она повела себя не по-советски, кокнули и узнали.

Хорошо. А можно ли наказывать лишь за то, что она ущербна? И дальше своего кармана и желудка ничего не видит. Поскольку природа наша такая, что высокие идеи, духовность и прочее – приходят, лишь когда ты о выживании не беспокоишься.

– Да вы что, Валентин Георгиевич? Тогда бы все поголовно предателями были – лишь кусок показать.

Тамара, а вы не задумывались, отчего это вожди нашей большевистской партии почти все вовсе не из рабочих-крестьян? Да потому что сформироваться как личность человек духовный может лишь тогда, когда уже не надо думать, не помру ли я завтра. И наши советские люди, кто с фашистами сражался, – многие росли уже при советской власти и помнили, как было до войны. А вот в Китае я такую нищету видел, что наш бедняк, что при царе был, там бы богачом казался. И зверствовали там японцы не меньше, чем немцы у нас – но никакой высокой идейности в народе не возникало, каждый за себя, Мао был та еще сволочь, коммунарами стать китайцев лишь мы научили. Или что в Африке сейчас творится, война всех против всех, но не революция. Поскольку по-настоящему голодные и угнетенные на нее не способны – а лишь на бунт, бессмысленный и беспощадный. Так что когда-нибудь и нам придется туда наше правильное учение нести – вернее, вам, молодым, я уже старый буду.

– Валентин Георгиевич, так вы не старый совсем... Так что, нам эту, Курлову не наказывать вовсе?

Фамилия знакомая – год пятидесятый, предатель-шифровальщик из штаба СФ¹⁰. Нет, тот Курлев, а не Курлов был. Но на всякий случай – а отчество у этой не Аполлоновна?

– Нет, Дмитриевна. И имя правильное – Сталинида. А нутро – мещанское.

Имя – значит, не из «бывших», как Вера Пирожкова. Но помню Севмаш, год сорок третий, когда такая же самка собаки информацию англичанам сливала. Потому что думала – в нашей стране все обязаны стройными рядами и колоннами вперед к коммунизму, а где-то там любовь, как в романе про Анну Каренину, с шампанским, балами, нарядами и любезными кавалерами. Такой вот брак воспитания, ну как металл перекалишь, и сломается. Это я к тому, что нас здесь учат не уподобляться средневековым схоластам, кто любой свершившийся факт «волей божьей» объяснял, замени бога случаем, разницы нет, – а нам надо понять, отчего такое произошло, и причины установить, чтобы исправить. И по этой Сталиниде – узнай, не та ли это ситуация, когда правильное мировоззрение в человека вбивают с усердием не по разуму. Ну как бы если – знаю, ты мороженое любишь, а если перед тобой котел пломбира поставить и приказать весь съесть, будет в итоге рвотный рефлекс.

⁹ См. «Страна мечты».

¹⁰ См. «Война или мир».

– Так она сама не виноватая, что ли? Не пойму, что вы хотите сказать.

Не поняла – тогда объясняю коротко. Не надо ее ни к чему приговаривать – а черную отметочку в личном деле поставить. Что в разведку с этим товарищем категорически нет. И хватит с нее!

*...и разговор через несколько минут,
в чисто женской компании, то же место
(коридор Академии)*

– Тамар, ну ты дура, что ли? Знаешь ведь, что у Валентина Георгиевича жену убили с нерожденным сыном, три месяца назад. Тут деликатность нужна – а ты прешь, как танк на амбразуру. Нарвешься ведь, и кто тогда тебе будет доктор?

– Инночка, ты же мне сама советовала. Не быть такой, как эта Сталинида, – кто думает, ей счастье просто так свалится, ни за что. А его заслужить надо, совершить что-то такое, чтобы тебя отметили. Вот я и стараюсь – а то вдруг отойду, и другая на мое место?

– Тамар, я тебе книжку дам почитать, чеха Чапека. У него такой рассказик сатирический, на что женщина способна, чтоб внимание предмета своего обожания привлечь.

– Инна, я ж тебя не спрашиваю, что ты в своем Васеньке нашла! Который, между прочим, замминистра! И старше тебя на тридцать лет.

– На что намекаешь, подруга?

– Девочки, не хватает вам еще меж собой собачиться, а ну замолкли обе! Ведь товарищ Кунцевич прав – для этой дуры черная отметка в личном деле страшнее любого выговора. В «смоленцевках» доучится – и никуда дальше ее не возьмут, ни в «клуб образцовых советских жен», как сам товарищ Пономаренко нас называет, ни в нашу Академию. В ФЗУ пойдет, дальше на завод, может, человеком станет, за какого-нибудь слесаря Петю замуж и будет ему в бараке белье стирать. Ну а мы себе еще «настоящих полковников» найдем. Вон их сколько на нашем курсе – пусть пока и ниже чином.

– А мне другой не нужен! Как вспомню... ой, ну что мне, опять раненой оказаться, чтоб он меня снова на руках?..

– Томка, тебе ж сказали, не будь дурой! Поспешность важна при ловле блох и тараканов. Маша Синицына, что за Валентином Георгиевичем замужем была, до того с ним больше двух лет встречалась, пока он ей предложение не сделал. Так что не бойся, что кто-то тебя опередит. Да, и подсказка тебе – ему нравится, когда девушка одеждой и манерами на нашу Анну Великую похожа. Ну и смелых уважает – я на «Нахимове» тогда была, так мне рассказывали, Валентин Георгиевич первым в каюту входил, где бандеровцы засели, за ним ребята, кто у нас учатся, и Маша тоже, с санитарной сумкой, готова помощь оказать.

– Так войны нет, а то бы я тоже заявление, и на фронт... Ой, девочки, ну как мне себя показать, чтобы он заметил?

– Томка, ну ты что, забыла, как в госпиталь попала? А что летом в Львове было – как там Маша погибла и саму Анну Петровну чуть не убили? И меня тут в Москве хотели машиной задавить¹¹. Так что у этой Сталиниды перед нами привилегия – гораздо больший шанс до пенсии дожить и от старости умереть.

– Как попала, так вышла! По мне, так лучше жить так, чем в какой-нибудь Америке, скука и тоска, без смысла, без цели. А мы – историю творим. Люсь, а отчего полковники «настоящие»?

– А это нам рассказывали на истории, пока ты в лежала. При царе было, что в отставку офицеру присваивали следующий чин, с правом ношения мундира, вроде все так же, как у прочих, – только генералом такому полковнику не стать никогда. Ну а «настоящий» – это кото-

¹¹ См. «Красные камни».

рый на службе получил и в генералы вполне может. Деление в обиходе было в основном среди женского пола на предмет будущих женихов.

– Ой и дура же Сталинида, чего лишилась!

Иосиф Виссарионович Сталин.

4 октября 1953 года

Устал смертельно – как в будущем кто-то скажет, «как раб на галерах». Только у уставшего с галеры одна дорога – за борт. Как в той истории было – мечтал скорее на покой, выпустил штурвал, почти весь пятьдесят первый год на отдыхе провел, не в Москве. Оставил реальную власть на компанию – Маленкова, Кагановича, Микояна, Хрущева, Молотова, Берию. И никогда больше, до самого конца, не присутствовал на заседаниях Совета министров. В пятьдесят втором почувствовал себя лучше, Девятнадцатый съезд провел – и между прочим, хотел все того же Пономаренко своим преемником назвать! 28 февраля 1953-го говорил по «кремлевке» с Василием и Светланой, что завтра на ближней даче всем встретиться. Уехал туда из Кремля – и больше никто его живым не видел, во всей писаной истории провал до того момента, как его 4 марта на даче без сознания на полу нашли. Хотя все предыдущие дни – задокументированы. Убили там меня, значит, – укольчик, и естественная кончина. И организовали все Маленков с Кагановичем – если б Лаврентий был причастен, на него бы после и свалили, а не списали бы как «английского шпиона». А Молотов – знал, но не мешал, сам не марался, чистюля. Пономаренко же тогда спасло лишь то, что не успел я ему дела передать, – но и то задвинули его на вторые роли на всю оставшуюся ему жизнь.

Теперь – не дождетесь! Здоровье ему подкачали (тяжелого инсульта в сорок девятом не было), так что еще на несколько лет жизни рассчитывать можно. И прожить их следует так, чтобы враги там, в будущем, до усрачки боялись даже твоего памятника! Хрущев, дурачок, уже не опасен – как сослали его в Ашхабад, так он там и сидит, и даже не первым, после землетрясения его до второго разжаловали, за бездарное руководство. Жизнь ему подарили вовсе не из доброты, а исключительно из целесообразности – если он глава будущего заговора, всех фигурантов которого даже гости из будущего не знали, то посмотреть стоит, кто будет этой лысой фигуркой пытаться играть. Оказалась же пустышка – вовсе не злым гением был Никитка, не жоаком, а всего лишь хитрожопым, успел почуять после моей смерти, куда ветер дует, и всех прочих оттеснить. Которые все ж меня преступником и тираном объявить бы не посмели. А он посмел – сразу заручившись поддержкой в низах и в среднем звене аппарата.

Но это наша внутренняя кухня, о том отдельная тема. А сейчас – война на носу. Которая в России всегда, как и зима, начинается внезапно. Или в этот раз мы будем готовы? Не как в сорок первом – и его, Сталина, была большая ошибка. Впечатлился размерами РККА, числом дивизий, танков – и недооценил фактор качественный. Что немцы, которые всего три года назад при мирном входе в «аншлюссированную» Австрию оставили на дорогах треть танков поломавшимися, а некоторые заблудившиеся батальоны пришлось с помощью дорожной полиции искать, – вышли на принципиально высший уровень, покорив Европу, отладив до совершенства свою военную машину, и пребывали в уверенности, что им море по колено. Сколько крови нам стоило разъяснить германцам их заблуждение, – так теперь США перебрасывают свои войска в Европу так, как они не делали даже в кризис пятидесятого года, когда в Китае до взаимных атомных ударов дошло, они Сиань бомбили, мы – Порт-Шанхай. За два месяца – шесть дивизий, причем налегке, личный состав на быстроходных лайнерах везут (которые зафрахтовать надо было, огромную сумму судовладельцам заплатить), а техника уже складирована во Франции, лишь расконсервировать.

Хотя когда де Голль тогда же в пятидесятом вывел Францию из Атлантического Оборонительного Союза (который в ином времени носил имя НАТО), янки постепенно сворачивали там свою группировку, медленно и неохотно, но все же... В соответствии с соглашением, по

которому войска США еще десять лет могут находиться на французской территории, защищая ее от «советского вторжения». На 1 июля сего года во Франции всего шесть американских дивизий оставались, и вот их число удвоилось, и ожидается прибытие еще двух. Информация точная, проверена из трех независимых источников в высших французских кругах, не считая донесений с мест. Всего же у противника налицо (по докладу Генштаба, что на столе лежит) в составе Западного оперативного командования АОС (европейский континент южнее пролива Ла-Манш) семьдесят две дивизии – включая бельгийцев, голландцев, датчан. Однако боеготовны (развернуты до полного штата) лишь двадцать шесть, в том числе все двенадцать американских, а также четыре британских (в составе так называемой Рейнской армии), семь французских и, как ни странно, по одной голландской, бельгийской и датской. Странность в том, что эти малые государства Европы до недавнего времени по экономическим причинам держали все свои части на положении кадрированных – когда в мирное время полностью укомплектован лишь один батальон в полку, а в прочих лишь офицерский и сержантский состав. И буквально в течение последнего месяца голландцы, бельгийцы, датчане вдруг отобилизовали по одной дивизии до состояния «завтра на фронт». Если бы готовились к большой войне, логичнее было мобилизовать всю армию – а так больше на экспедиционный корпус похоже, или же в Вашингтоне признают сомнительную боевую ценность этих союзников. Французы же причислены к АОС (куда формально уже не входят) потому, что, согласно секретному протоколу к соглашению о выходе Франции из названного объединения, в случае начала Третьей мировой войны французские вооруженные силы поступают в оперативное подчинение командованию АОС (срок действия протокола – десять лет). Однако, судя по добытому нашей разведкой подлинному тексту протокола, он вступает в силу лишь при советском нападении на Атлантический Союз.

Далее, в составе «оперативного командования Ла-Манш» (Британские острова) пятнадцать английских дивизий (четыре боеготовны) и одна американская дивизия морской пехоты. Северное командование (Норвегия) – десять дивизий (восемь норвежских, две английские), все сокращенного штата. Итого, всего в Европе враг может выставить девяносто семь дивизий, – но полностью боеготовны пока лишь тридцать. И даже среди них лишь три танковых, две американские во Франции и одна британская в Бельгии. То есть у противника сильного броневого ударного кулака нет и не предвидится, все шесть свежих дивизий Армии США – это пехота, а из складированного тяжелого вооружения ценность имеют артиллерия, грузовики, джипы, саперное имущество, – но не танки, безнадежное старье, «шерманы» военного выпуска, даже не модернизированные. И как они собираются «дранг нах Москау», или как это будет по-английски, осуществить? Повод всегда найти можно, коль есть желание воевать – как крыловскому волку кушать. Вот только СССР на ягненка совершенно не похож!

У нас в одной лишь ГСВГ двадцать шесть дивизий, все полностью боеготовны, и в их числе восемь танковых (шесть в составе двух танковых армий, две отдельные). Еще Фольксармее, сорок пять дивизий (боеготовны двадцать, в том числе шесть танковых). Десять дивизий Народной Италии и две наших в Южной группе войск. В недельный же срок мы и наши союзники можем выставить сто тридцать дивизий, с учетом переброшенных из внутренних военных округов СССР, а также закончивших мобилизацию войск ГДР, Польши, Венгрии, Румынии. Согласно тому же докладу, вероятный противник уступает нам втрое по числу танков, семикратно по числу артиллерии и минометов, включая РСЗО, и почти вдвое по пехоте. И качественное превосходство на нашей стороне – Советская армия пятьдесят третьего года сильно отличается от РККА сорок первого, и не только тем, что имеет танки Т-55 и автоматы АК, в этой версии истории мы дошли до Рейна, через всю Германию (а также Австрию и Италию), наши войска штурмовали Зееловские высоты под Берлином, когда американцы лишь соизволили *явиться на войну*, высадившись в Гавре. Если не считать североафриканский и португальский эпизоды, где Армия США также показала себя не с лучшей стороны. Здесь не было

Анцио и Монте-Кассино, Фалеза и Арденн, так что полученный американцами боевой опыт не идет ни в какое сравнение с нашим. То есть в чисто сухопутном сражении янки надеяться не на что, мы сбросим их в Атлантику, как в одном фантастическом романе, опубликованном тогда же, три года назад – «командиры танковых рот Континентального Коммунистического Альянса спорили меж собой на ящик водки, кто первый увидит Геркулесовы столбы – западную оконечность материка». А куда они, эти столбы, денутся – если Испания здесь если не наш союзник, то дружественный нейтрал? А британскую Скалу уже брала штурмом армия Еврорейха в сорок третьем – Советской армии это тем более по плечу.

Хотя известно, что американцы роль сухопутной армии явно недооценивают. И сводят лишь к окончательному добиванию противника после массированных ядерных ударов, а после – оккупации территории. В настоящий момент США располагают девятьюстами ядерными боеприпасами, плюс-минус полсотни, но до тысячи пока еще не дотянули – все в виде авиационных бомб, атомные, мощностью до пятидесяти килотонн, термоядерных пригодных к применению пока нет. Носители – сто пять бомбардировщиков В-36, триста тридцать (данные на 1 октября) В-47, кроме того, может быть задействовано большое количество устаревших В-29 и В-50, и палубная авиация, тяжелые штурмовики «Савадж» тоже могут применять атомное оружие, как египетские события показали. Еще шестьдесят «вэлиентов» имеются у Британии, но англичане испытали свою Бомбу лишь в феврале этого года, и в настоящий момент располагают не более чем несколькими единицами, готовыми к применению. Ракет с ядерной боеголовкой в настоящий момент наш вероятный противник не имеет – в США программа «Редстоун» еще в процессе, первый запуск ожидается не раньше, чем через год. У СССР же имеется на сегодняшний день – девятьсот шестьдесят семь боеприпасов, в том числе сто восемьдесят две боеголовки ракет, остальное бомбы, по качеству – четыре боеголовки «Гранитов» из 2012 года (было шесть, одну на испытаниях потратили, одну по шанхайскому порту) по пятьсот килотонн, семь термоядерных нашего производства, от пятидесяти до двухсот килотонн, остальные атомные, от десяти до тридцати килотонн. По носителям, восемь ракетных бригад РГК, в каждой по шестнадцать пусковых, причем Пятая и Седьмая бригады уже вооружены Р-5 с дальностью в 1200 километров, то есть с территории ГДР всю Британию накрываем полностью. Достигли боеготовности четыре авиаполка в ВВС на Ту-16, не считая флотских, ожидаем еще три в ближайшие три месяца. Причем 402-й полк уже имеет опыт практической работы с ядерным боеприпасом – к испытаниям на новоземельском полигоне привлекался.

Однако вопрос, знают ли про то американцы? Если названные ракетные бригады залегендированы под ЗРК дальнего действия. И о количестве наших Бомб вряд ли точные сведения имеют, хотя наличие у нас термоядерного оружия и средств его доставки склонны сильно преувеличивать – Шанхай их сильно напугал. Но можно допустить, что они надеются на внезапный и массированный атомный удар, ну а после сухопутчикам останется добить уцелевших. Как 22 июня, лишь с учетом, что зона поражения противником – это не десяток километров от границы, дальность артиллерийского огня, и даже не сотня, глубина танкового прорыва, – а пятьсот, тысяча, насколько реактивная авиация достает. И не только с Британских островов – в Копенгаген с «визитом дружбы» пришла американская эскадра, в составе сразу три авианосца – «Иводзима», «Лейте», «Кирсандж», все уже послевоенной постройки, тип «Орискани», линкор «Мэн» (тип «Монтана»), крейсера «Вустер» и «Роанок», шестнадцать эсминцев – в общем, цвет их Атлантического флота. Пришли еще 16 сентября и не уходят, чего-то ждут. А это двести палубных самолетов, в том числе до полусотни тяжелых штурмовиков – возможных носителей Бомбы, таких же, как в Египте по мятежнику Насеру бомбили.

Будут разочарованы – на Балтике хозяева мы. По авиации на данном театре у нас подавляющий перевес, боеготовы также ракетные батареи на Борнхольме, на островах Эзель и Даго – причем наши противокорабельные крылатые ракеты могут нести атомный заряд. И шестнадцать эсминцев для надежной ПЛО шести больших кораблей явно мало – а в составе КБФ у

нас сто пять лодок, и у Фольксмарине сто три. Из них на боевое дежурство в Балтике выделены, в общей сложности, восемьдесят шесть, в налаженном взаимодействии с авиацией и остальными силами флота. Так что если сунутся в Балтийское море, назад уже не выйдут, а если не решатся – Копенгаген жалко, но когда речь идет о Третьей мировой, не до уважения к памяти сказочника Андерсена, к тому же этот город уже однажды адмирал Нельсон сжигал. Правда, Р-5 с термоядерной боеголовкой сотворит с датской столицей и всем, что там есть, гораздо худшее, чем даже многосуточный обстрел из гладкоствольных пушек девятнадцатого века. Но если дойдет до войны – пусть лучше сгорит в атомном огне Копенгаген, чем Ленинград (сами виноваты датчане, нечего было американцев пускать на постой). Мало не покажется и голландцам, бельгийцам, югонорвежцам (если капитулировать не успеют) – для территории Европы, и с наших баз в ГДР, Ил-28 вполне может считаться «стратегом». По тактической авиации мы как минимум не слабее, и ПВО тоже следует учесть – система «Беркут», стационарные позиции зенитных ракет вокруг Москвы, вступила в строй еще в январе, осенью к ней присоединилось такое же ракетное кольцо для Ленинграда, и многочисленную зенитную артиллерию тоже не следует сбрасывать со счетов, какое-то число бомбардировщиков она вполне может выбить, нарушив американские штабные расчеты. А вот европейцам будет хуже – если первый наш удар нанесут ракетчики, то даже британское ПВО будет ослаблено, как раз перед нашим ответным авиаударом. Василевский (начальник Генштаба) в докладе прямо указал – война в Европе завершится за один месяц. Вот только Европа – это не весь мир. А начав войну, завершить ее бывает много труднее.

Тем более, даже в «нашей» Европе не все хорошо. Резко активизировались антисоциалистические элементы в Польше, в южных воеводствах вообще творится такое, как у нас было в худшие годы войны с бандеровщиной. Причем отмечены попытки бандитов вести «рельсовую войну», то есть устраивать диверсии на железной дороге и даже останавливать и нападать на поезда. Пойманные же аковцы утверждают, что «скоро настанет наше время, когда придут американцы и развешают всех коммунистов на деревьях». На севере Польше спокойнее – лесов меньше, а где они есть, там население непольское – мазуры, кашубы, кто совсем не любят АК и идею «не сгинела». Ну а на юге и природа примерно как у нас в Галиции, отроги Карпат, и опыта и сил у польских товарищей меньше, чем у нас. И похоже, желания искоренить врага тоже – есть примеры, когда представители польской народной власти тайно или даже открыто поддерживают лесных бандитов, говоря: «Еще неизвестно, чья сила завтра будет». Да и в Польше в целом очень сильно недовольство: «По итогам войны жертвы понесли, территории лишились – за что?» И Данциг к Калининградской области – тоже причина для озлобления. А в итоге Войско польское не вполне надежно, при всем уважении и доверии к товарищу Берлингу. Напротив, нам и немецким товарищам придется на польской границе войска держать, на пожарный случай. Впрочем, и в войну в Первой армии Берлинга этнических русских была едва не половина, а на офицерских и технических должностях – так большинство. Вторая же армия была гораздо более польской – и насколько хуже она воевала! Ну а в будущей войне велика вероятность, что этот контингент в лучшем случае разбежится, а в худшем – к противнику перейдет, тем более что с французами у них давняя дружба. Так что в первый эшелон их ставить никак нельзя. А лишь для зачистки и оккупации территории – это у них куда лучше получится.

А может, причина американской воинственности на поверхности лежит? В США сейчас положение с экономикой и финансами далеко не блестящее, – а Франция представляется им и наиболее доступной добычей, и слабым звеном, и возмутителем спокойствия. После пятидесятого года американским банкирам так и не удалось вернуть прежнее положение главного французского кредитора, тут их сильно потеснил Ватикан. И на всей территории Франции наши рубли принимаются так же охотно, как доллары и фунты, – то есть речь идет о фактическом выходе Парижа из долларовой зоны, по крайней мере к тому идет. А это для господ с Уолл-

стрит абсолютно неприемлемо, они идейные разногласия стерпят, а вот посягательство на свой кошелек... И де Голль твердо решил пойти наконец на мир в Индокитае, осознав наконец полную невозможность там победить, – а для США это значит потерять все, что они туда вложили и еще ожидают. Европейцы не в восторге от американского диктата – если уж этим летом, как известно, на переговорах в Лондоне англичане и французы выступили против Вашингтона единым фронтом, заявив, что положение Атлантической хартии о свободе торговли относится лишь к колониям, а не к территории метрополий, а потому пошлину платите, а то от ваших товаров свой производитель разорается. А это не только собственно Британия и Франция, но и Канада, и Алжир. Так что показательная порка бунтовщиков, с точки зрения американцев, очень уместна.

То есть США сейчас нацелились на французов, а не на нас? Даже если так, это угрозы большой войны не отменяет. По аналогии с Первой мировой – поводом было убийство в Сараево, но причиной, по которой этот в общем-то ординарный инцидент перешел в глобальный пожар, был факт, что Германия экономически догоняла и готова была вот-вот перегнать Англию (тогдашнего лидера), вытесняя английские товары даже с традиционных для британцев рынков, а это капиталисту как нож острый. Потому было горячее желание, подкрепленное английскими интригами и деньгами, поставить выскочек на место, – а что в итоге сама Англия больше потеряет, чем приобретет, никто предвидеть не мог. Так и сейчас – по экономике СССР, ГДР и Италия в сумме дают уже девяносто процентов от США, если продукт по нашему считать, только производство, а не стоимость еще и услуг. А один СССР – уже свыше сорока пяти процентов, и разрыв сокращается, мы их догоняем и через пару пятилеток имеем все шансы обогнать. И что тогда останется их капиталу, для которого рынки сбыта – это кислород? США ведь здесь своих военных долгов так и не отбили, не довелось им весь мир ограбить, «маршаллизировать». И у реальных хозяев Америки сейчас один выбор – или рисковать, или разоряться. Так что непосредственная цель для них сейчас – это французы. Ну а мы – это уже программа-максимум, если вмешаемся, то начнется. И тут они уже не отступят – чувствуя, что к стенке прижаты.

Но беда в том, что и СССР в стороне остаться не может. Сядет в Париже вместо де Голля кто-то ультраправый, получим границу уже не с нейтралом, пусть сомнительным, а с явным врагом. И с Ватиканом придется нам объясняться, они во французский долг большие деньги вложили, а помощь от товарищей попов нам пока еще очень полезна. С Испанией сразу возникнут проблемы – на короля уже давят, нашего друга каудильо из канцлеров в отставку, с внеблоковым статусом покончить, вступить в АОС. И Люксембург из нейтральной площадки станет вражеской территорией – мелочь, конечно, но у нас через нее много чего идет. Еще про-американская Франция сразу займет намного более жесткую позицию по Индокитаю, вплоть до приглашения во Вьетнам американских войск. И у наших итальянских друзей граница с Алжиром в Ливии станет «горячей».

Что ж, мы им пока песочку подсыплем. Или, как бы в будущем сказали, дадим асимметричный ответ. Есть интересный проект товарищей из Штази, касаемо еще давнего норвежского дела, эта бомба и сейчас взорваться может, так что даем «добро». И есть зацепка, наш человек возле де Голля, может Генералу информацию передать, которую проверить невозможно. Ну и запускаем «вьетнамский» план Лазарева – не удалось в пятидесятом проверить с Тайванем, так возле Вьетнама есть такой остров Хайнань. Не только господа из Вашингтона умеют играть по периферии!

Иосиф Виссарионович Сталин очень надеялся в этой версии истории дожить до 1967 года, полувековой юбилей Октября (восемьдесят восемь для кавказца разве возраст?). Но гораздо важнее было – сколько лет прибавки в этой истории получит СССР (в идеале, бесконечно, если не будет «перестройки» вообще). И потому все, что укрепляет наши позиции в мире сейчас, – делает нас сильнее.

Французов, конечно, жалко. Но мы отвечаем прежде всего перед своим советским народом, народами дружественных стран и мировым коммунистическим движением. И чужие потери нас волнуют лишь постольку-поскольку.

Президенту США – доклад аналитической группы

Отметка: еще одно подтверждение гипотезы «Дверь».

Событие: Курильское землетрясение 1952 года.

Место: Курильские острова, о. Парамушир, город Северо-Курильск. Бывший японский поселок Касивабара. До 1945 года (захвата территории Советским Союзом) преобладающее население – сезонные рабочие рыбозавода. При СССР построены жилые кварталы, а также школа, больница, дом культуры, стадион. Следует отметить факт, что уже тогда почти все строительство велось на возвышениях не менее 20 метров над уровнем моря, а в прибрежной долине – только малоценные и нежилые объекты. То есть опасность цунами учитывалась уже тогда – при том, что СССР до присоединения бывших японских территорий практически не был знаком с этой угрозой.

Еще 2 ноября было объявлено о предстоящих «учениях гражданской обороны» с эвакуацией населения и ценного имущества. Причем уже тогда были названы сроки, с 12 часов дня 4 ноября до «особого распоряжения». Причем последующие действия советских государственных, военных и партийных властей однозначно указывают на полученный приказ из Москвы (соответственно, по каждой из названных иерархий). Зоной учений были объявлены вся территория Курильских островов и даже восточное побережье Камчатки. Что влекло за собой значительный экономический ущерб (прекращение промышленной деятельности в указанной районе, на срок в двое-трое суток, с учетом мероприятий по эвакуации), в обычное время недопустимый для советского планового хозяйства.

Землетрясение произошло 5 ноября в 3:30 по местному времени. Основным поражающим фактором были волны цунами значительной высоты. Главный удар пришелся на Северо-Курильск, где погибло, по разным источникам, от 15 до 40 человек, нарушивших приказ об эвакуации. Вся нижняя часть города уничтожена полностью, и возможное число жертв исчислялось бы тысячами, не будь эвакуация объявлена заранее.

Версии событий. Официальная – что катастрофа была заранее предсказана советскими учеными. Однако наши эксперты однозначно утверждают, что не существует способа предсказать землетрясение более чем за двое суток до его начала. Причем с высокой достоверностью – судя по действиям советских властей, не сомневающимся в данном прогнозе.

Испытание советского атомного оружия. Однозначно нет – поскольку сейсмограммы (полученные со станций в Японии) однозначно свидетельствуют об именно землетрясении, а не подводном атомном взрыве.

Испытание советского геофизического оружия. На текущий день пока неясны сами принципы его создания. И маловероятен выбор места – вблизи своей территории. Если бы русские умели вызывать искусственные землетрясения – то что мешало им Японию потрянуть?

Случайное совпадение. Крайне маловероятно – особенно если вспомнить Ашхабад, где точно так же накануне катастрофы были объявлены «учения гражданской обороны» с эвакуацией населения, да еще заранее были вблизи города размещены войска с саперной техникой.

Знали заранее сам факт и приблизительное время. Что снимает все перечисленные противоречия.

Рекомендации. Поскольку в данном случае речь идет о безопасности не одного СССР, то при получении неопровержимых доказательств существования Двери, мы имеем полное право требовать от СССР передать Дверь и все, что с ней связано, под международный контроль. При отказе развернув пропагандистскую кампанию, что «русские знают о грядущих стихийных бедствиях, но желают спасти исключительно своих».

«Кольер уикли» (американский еженедельник, выходил до 1957 г).

«Третья мировая война».

Редакторское предисловие

Начиная этот проект, мы менее всего имели намерение запугивать читателей. Но реальность такова, что само существование свободного мира сегодня находится под угрозой. Первая из Великих войн не посягала на сами основы цивилизации, на главные принципы любого разумного общества – собственность, семья, религия, порядок. Во второй Великой войне намерения Гитлера были ужасны, но его рейх никогда не имел ни наиболее смертоносного оружия, ни достаточного числа ресурсов для реализации своих зловещих планов. Теперь же нам угрожают те, кто имеет и то, и другое.

Мы вовсе не призываем, подобно Гитлеру, к истреблению русского народа. Признавая за этой нацией известные достоинства и исторические заслуги, мы однако видим, что в настоящий момент этот народ одержим антигуманной идеей установления всемирного коммунизма, то есть строя, отрицающего наши главные общественные принципы. Когда и если русский народ откажется от идеологии, навязываемой ему правящей партийной кликой, тогда ему (той его части, что окажется свободной от коммунистических идей) будет дозволено существовать на общих со всеми другими народами принципах свободы, демократии, рынка и прав личности. А пока же мы вынуждены напомнить читателям слова великого Макарура, сказанные им незадолго до трагической смерти: «Лучше быть мертвым, чем красным». Которые следует понимать как обращение ко всему свободному человечеству: хотите ли вы и ваши дети жить при всеобщем kolhoz и gulag, или намерены сражаться насмерть за свою свободу?

Мы категорически протестуем против причисления нашего продукта к фантастике – хотя пишем о вымышленных событиях. Но это правдивый рассказ – так могло бы и еще может случиться в ближайшем будущем. И если это произойдет, каждый гражданин свободного мира должен будет сделать выбор – готов ли он к жертвам ради свободы, или предпочитает жить подобно скотине в стойле, которую завтра потащат на бойню.

Редакция выражает благодарность нижеперечисленным лицам, поддержавшим наш проект и сделавшим все возможное для его правдоподобия.

Следует длинный список, в котором присутствуют Роберт Шервуд (четыре Пулитцеровские премии!), Хэнсон Болдуин (тоже Пулитцеровская, в довесок к работе военным обозревателем «Нью-Йорк таймс»), Артур Кестлер (бывший активный коммунист, не единожды бывавший в СССР, а теперь убежденный борец с тоталитаризмом и автор получившего известность романа «Слепящая тьма», о русских репрессиях тридцать седьмого года), Аллан Невинс (профессор истории Колумбийского университета, две Пулитцеровские), Джон Бойтон Пристли, известный британский драматург, и еще с десятков фамилий. В самом конце некто Поль Фаньер прилепился – ну как же против коммунизма, и без него?¹²

«Третья мировая война. Выпуск 1».

«Кольер уикли» (фантазия)

¹² И в нашей истории «Кольер» в то же самое время напечатал серию статей о Третьей мировой войне, победе США и установлении в России «демократического» режима. Здесь же будут фантазии их писак в мире альтернативном.

14 июля – День взятия Бастилии. Национальный праздник французского народа. И, по традиции, в этот день президент Франции произносит публичную речь.

Президент вошел на трибуну. Что он хотел сказать – безусловный патриот своей страны, глава «Сражающейся Франции» в годы войны и правитель Французской республики в нелегкое послевоенное время? Обеспечивший своей любимой Франции «классовый мир», равновесие, долгие годы устраивающее и правых и левых. Но упорно не желавший понимать, что глобальная коммунистическая угроза требует от всего свободного мира сплотиться единым фронтом, не думая о национальном эгоизме, вносить свой обязательный вклад в общее дело, борьба требует жертв! Однако же «прекрасная Франция превыше всего». Качества национального лидера, достойные похвалы, – но эпоха требовала уже другого.

На чердаке дома, примыкавшего к площади Бастилии, маленький человек азиатского вида прижал к плечу приклад снайперской винтовки. В кармане у него лежали документы на вьетнамское имя – но убийца был не вьетнамцем, а якутом, представителем одной из бесчисленных сибирских народностей, населяющих СССР. Его звали Хуйдабердын Нагибамбеков, раньше он, подобно всем людям своего племени, живущим одной охотой, бил белку в глаз одной пулей из боевой винтовки, в недавнюю Великую войну на фронте он вписал на свой боевой счет четыре сотни немцев и японцев, за что был награжден четырьмя орденами Славы (советский аналог русского солдатского Георгия). После войны ему сделали предложение, от которого нельзя отказаться, – перейти в кадры НКВД, чтобы заниматься устранением людей, опасных для интересов СССР. Он согласился: метко стрелять – это все, что он умел делать, а платили за каждый выстрел очень хорошо, больше, чем могло заработать все его племя за обязательную годовую сдачу пушнины в колхоз.

Президент открыл рот. И тут же его голова раскололась как арбуз. Толпа на площади секунду молчала, не в силах поверить в случившееся, затем послышались крики. Охрана президента, выхватив оружие, готова была стрелять – но никто не видел, откуда прилетела пуля. Наконец солдаты и полицейские бросились к подъездам рядом стоящих домов – когда убийца, с сожалением оставив на чердаке винтовку со стертыми отпечатками пальцев (жалко, отличный экземпляр Маузер – Токарев, с великолепным боем, сколько из него отстрелял, пристреливая, душой прикипел, – но придется бросить, ничего не поделать), уже спустился по черной лестнице и через проходной двор вышел на соседнюю улицу.

Здесь стояла машина для эвакуации, неприметный «фольксваген». Человек в полицейской форме преградил путь, тихо назвал пароль, стрелок ответил – обычная проверка. И продолжил идти к автомобилю. Он, конечно, знал, как в подобных случаях нередко поступают с исполнителями, – но считал себя слишком ценным инструментом, «таких, как я, по пальцам сосчитать на весь СССР».

Он так и не успел ничего понять, когда «полицейский» выстрелил ему в затылок. Впрочем, Жан-Клод Венсан и был самым настоящим сотрудником парижской полиции, а еще членом ФКП. И знал лишь, что ему надлежит так поступить – а после твердить: «Заметил подозрительную личность, он не подчинился, пришлось стрелять». Ну а в далекой Москве решили – таких, как Нагибамбеков, у нас мало, но и таких врагов, как президент, тоже. Тем более у этого Хуйдабердына сын дома остался, тоже охотник – скажем ему, что отца убили агенты ЦРУ, нехай мстит, научим и поможем.

Едва новость разнеслась по Франции, как в Париже, Лионе, Марселе, Тулузе, множестве других городов (в большинстве – южных департаментов, где коммунисты были многочисленны) в лучших традициях русской революции начались беспорядки. Вооруженные отряды с красными повязками захватывали органы власти, полицейские участки, аэродромы, вокзалы, почту и телеграф и объявляли об установлении Коммуны, пока местной, но сейчас объявят о создании Временного революционного правительства, а после и Национальное собрание созовем, что выберет правильную, народную власть. Причем в ряде мест (опять же, в большинстве

– на юге) армейские части переходили на сторону бунтовщиков. И пролилась кровь – люди с красными лентами по заранее подготовленным спискам хватали «врагов французского народа» и расстреливали их на месте, «революция не может быть милосердной», но чаще увозили куда-то в закрытых машинах и автобусах, и больше арестованных никто не видел. Много позже в одном из песчаных карьеров вблизи Тулузы было найдено три сотни тел, по-видимому закопанных живыми – в индокитайской коммунистической традиции, «зачем тратить пулю, когда можно и так».

И взорвалась восточная граница, через которую потекли стальные реки – танковые колонны русской, немецкой, итальянской армий. К стыду и позору французской нации, Юг пал перед агрессорами без боя – после прошлой войны это была зона русской оккупации, и, уходя, Советы оставили там свою многочисленную агентуру. Марсель встречал коммунистов цветами, и Тулон был занят после минимального сопротивления, причем на большинстве кораблей Средиземноморской эскадры были подняты красные флаги, лишь крейсер «Алжир» с тремя эсминцами, под командой отважного адмирала Мальгузу, сумел выйти в море и прорваться в Гибралтар. Иное было на севере, все ж в Рейнской армии были собраны наиболее боеспособные и надежные дивизии, но было их слишком мало, чтобы остановить наступающую орду, русские и немцы шли железной лавиной, сметая жалкие очаги сопротивления, на каждый выстрел отвечая десятью, при неповиновении населения не останавливаясь перед взятием и расстрелом заложников. И казалось, повторится майская катастрофа сорокового года...

Ханой. Парад Победы, 4 октября 1953 г.

Столица Демократической Республики Вьетнам чувствовала победителей.

Председатель ЦК Компартии Индокитая товарищ Хо Ши Мин стоял на трибуне под портретами Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Вождь и Учитель был скромным человеком и показной роскоши не любил – и потому бывший губернаторский дворец, построенный французами (для чего снесли пагоду тринадцатого века), использовался лишь как присутственное место, тогда как сам «отец Хо» жил в скромном павильоне посреди дворцового парка. Рядом с председателем стоял генерал Нгуен Во Зиап, командующий Народной армией, и другие ответственные товарищи, военные и гражданские – а также люди во вьетнамской форме, но более рослые, а иногда и с европейскими лицами, советские «товарищи лисицыны». Тут же были делегации лаосских товарищей из Патет Лао и камбоджийских из Кхмер Иссарак. Официальные лица – послы СССР, Народного Китая, КНДР, Маньчжурии, а также всех прочих стран, признавших ДРВ (в подавляющем большинстве, социалистических). Делегация от королевства Лаос, во главе был сам Его Величество Сисаванг Вонг (и тот факт, что королю и его свите было отведено место, от главы Вьетнама более далекое, чем товарищам из Патет Лао, по восточному этикету значил многое). И конечно, журналисты. Особняком стояли представители стран Запада – в большинстве корреспонденты, а не дипломаты. А внизу и по сторонам площади, а также по улицам, где должны были пройти войска, собрались жители Ханоя и приезжие из соседних городов и деревень.

«Товарищ Хо» произнес речь – о победе вьетнамского народа, верного коммунистической идее, над гоминьдановскими агрессорами, подлыми наймитами мирового империализма. Затем прозвучал артиллерийский салют, и двинулись войска. Открывали парад – нет, не «самая лучшая часть Народной армии», как предполагалось, а курсанты военной школы в Ханое, мальчишки в возрасте от четырнадцати до семнадцати, однако у многих на счету уже были убитые враги, и многие были сиротами – по опыту советских, из тех, у кого родители погибли от рук врага, должны были выйти лучшие защитники социалистического Отечества. Мальчишки были в новой военной форме, с русскими автоматами ППС, и шли, очень гордые собой, четко печатавая шаг – видно было, что с ними хорошо занимались строевой.

– Будущие фанатики коммунистического режима, – с неприязнью заметил корреспондент «Паризьен» стоящему рядом британцу из «Милитари обсервер». – При нашей власти сдохли бы под забором. А теперь, как говорят здесь, поймали шелковую нить своей судьбы – станут офицерами, твердо зная, кому должны быть благодарны.

– Вы ждали иного? – спросил англичанин. – Человек – это такое существо, что всегда стремится наверх. И те, кому повезло, пользуются случаем – принцип конкуренции, основополагающий для свободного мира.

– Я всего лишь сожалею о несправедливости, – ответил француз. – Когда низшие нации отдают свои ресурсы более развитым и позволяют им подняться выше – это благо для всего человечества. Ну а эти... вместо того чтобы трудиться на благо всей цивилизации, готовятся убивать белых людей, стоящих в культурном развитии гораздо выше. И так везде, куда приходят русские – цветные, кто раньше принимал за должное работать на белых, вспоминают о своих правах.

– «Свобода, равенство, братство», – с иронией произнес британец, – ваши идеи?

– Но не для небелых же! – ответил француз. – Всякое блюдо должно быть уместно и в меру. А русские... иногда мне кажется, что их историческая роль – это мешать другим нациям. И вы спрашиваете, сэръ, отчего я русских не люблю?

Британец лишь пожал плечами – горе неудачникам, кто оказался слаб. Строго говоря, французы как член Еврорейха вообще не имели права на эту колонию – подобно тому, как после той войны у немцев отняли Танганьiku и Намибию. После подписания капитуляции вся Британия ожидала, что получит наконец репарации в возмещение военных потерь, если не с проклятых гуннов, которых СССР взялся трясти сам, то хотя бы с соседей-лягушатников. Но «кузены» нас предали, договорившись со Сталиным, в итоге Франция неведомым образом оказалась в числе держав-победителей, а отношения между соседями через Английский канал с тех пор можно было назвать скорее плохими, чем просто «ниже среднего». А ведь не так давно европейские державы условились, что «каждая сторона имеет право на такие территории в Африке и Азии, на каких в состоянии реально обеспечить свою власть» – французы показали свою слабость и тем самым вернули захваченное в разряд бесхозного.

Англия, слава господу, находится в гораздо лучшем положении. В Индокитае после капитуляции японцев возник опасный вакуум власти, когда туземцы были предоставлены сами себе, у Парижа не было ни ресурсов ни времени прислать сюда свои войска и новых чиновников. Чем тут же воспользовались коммунисты еще в сорок пятом, объявив «независимость», и русские, тотчас прислав транспорты с оружием и советниками, – и разгорелся пожар, погасить который французы так и не смогли. В Малайе было по-иному, там япошек разоружала британская армия, имея в достаточном числе и эффективные органы управления тылом. И глава местных коммунистов, Чин Пен, был фигурой меньшего калибра, чем «дядя Хо», а главное, как китаец, первое время опирался исключительно на китайскую общину (которая в Малайе составляла далеко не большинство). После он осознал свою ошибку (наверное, советские научили «интернационализму»), но и британская администрация тоже времени не теряла, так что конфликт удалось перевести в национальную плоскость: бегают по джунглям коммунистические партизаны, но в целом ситуация под контролем. Ну и, конечно, очень удачно, что Малайя успела пройти по пути свободы и демократии дальше, чем Индокитай, – имея сложившийся класс национальной буржуазии, собственников, опоры порядка, кому совершенно не хотелось подвергнуться экспроприации, в отличие от Вьетнама, где хозяева из местных были гораздо малочисленнее и менее влиятельны. Равно как и в Голландской Ост-Индии, где прежние голландские хозяева также допустили вакуум власти после завершения войны, однако же Сукарно, лидер харизматичный и популярный, сумел оттянуть электорат от коммунистических идей к национализму, «все мы индонезийцы». И потому, хотя там тоже наличествует проблема красных повстанцев, с владельцами собственности у власти можно договориться –

как-то незаметно получилось, что индонезийской нефтью сейчас реально распоряжается «Роял Датч Шелл». Один лишь Индокитай активно распространяет по региону красную заразу – и когда-нибудь придется мировому сообществу эту проблему решать. Хирургическим путем – все цветные, кто убивал европейцев, должны быть поголовно истреблены, как звери, отведавшие человеческой плоти. Когда цивилизованному миру удастся – сначала советских поставить на место!

По дворцовой площади шли егеря – легкая пехота для джунглей. Ударные части, наводившие ужас на французов, даже сейчас имели вид не парадный, а боевой, кроме автоматов несли рюкзаки и подсумки, и гранатометы РПГ по одному на отделение, и взвод 82-мм минометов позади каждой роты – готовы немедленно вступить в бой, получив приказ. И было их неожиданно много – не меньше десяти батальонов, отлично вооруженные и обученные, с боевым опытом, привыкшие побеждать. Французик побелел, кулаки сжимая – когда эти головорезы брали деревню или даже уездный город с гарнизоном, то туземных солдат в большинстве щадили, даже предлагая присоединиться к Вьетконгу, зато французских офицеров, жандармов и чиновников предавали самой жестокой смерти, если население было недовольно, – а где вы видели, чтобы рабочие-кули любили стоящего над ними с палкой? Однако логично – если Советы отчего-то заинтересованы во Вьетнаме, то не своих же солдат сюда вводить в большом числе – местные «сипай» куда дешевле.

Дальше следовала техника. Разведчики-мотоциклисты, за ними джипы Газ-69 с пулеметами на турелях. Грузовики Газ-51 с солдатами в кузовах, на прицепе советские пушки Зис-3 (в Советской армии в это время уже заменялись на 85-мм Д-44, но для Вьетнама вполне годились, для подавляющего большинства вероятных здесь целей мощность достаточна, а вес в полтора раза меньше, что для малорослых вьетнамцев очень хорошо), легкие гаубицы М-30 и 120-мм минометы. Бронетранспортеры БТР-40 (или американские «Скауты М3» на них похожие), с крупнокалиберными пулеметами или легкими зенитками. Зенитки же, калибра 23, 37, 57 – на прицепе за грузовиками. Замыкает колонну артиллерии батарея громадных минометов, буксируемая гусеничными тягачами – знаменитые русские «тюльпаны». И на площадь вступают танки – легкие, плавающие, похожие на русские ПТ-76, показанные уже на московских парадах. Только вооружение уже иное – у некоторых пушка явно толще и длиннее, калибр 85 или даже 100, у других, наоборот, длинная и тонкая, 57-мм автомат, ствол сильно поднят вверх – может и по самолетам стрелять. И в самом конце средние Т-54, сорок машин – батальон, по советскому штату, армия социалистического Вьетнама строилась по образу и подобию Советской армии, переняв и штатные расписания, и знаки различия, и наградную систему.

– А в целом не впечатляет, – отметил англичанин. – Технические рода войск – это монополия стран цивилизованных, туземцы же с нами сравняться никогда не смогут. Подобно воинству Насера – Египет, три года назад – куча пехотного мяса, а в роли водителей, наводчиков, связистов, саперов – европейские наемники. Не умеют вчерашние дикари грамотно обслуживать технику, а тем более выжать из нее все в бою. Так что если бы не эти проклятые джунгли... в чистом поле одна дивизия США или Британии растерла бы всю вьетнамскую армию в порошок.

Площадь опустела, но никто не расходится. В небе слышен свист турбин – и над Ханоем проносятся звенья реактивных истребителей, крылья стрелой. Затем винтовые штурмовики, несколько десятков, не меньше авиаполка. И в завершение три девятки реактивных бомбардировщиков, похожих на трезубцы – русские Ил-28.

– Скажете, что и там за штурвалами вьетнамцы сидят? – американский «журналист» на трибуне не утерпел, обратился с стоящему рядом советскому коллеге. – Или это будет шулерство, вы не находите?

– В отличие от ваших «камбоджийцев» над Пномпенем, там вьетнамцы действительно есть, – ответил русский. – Поразительно усердный в обучении народ. И напомним вам про дого-

вор – согласно которому, ограниченный советский военный контингент будет оборонять территорию ДРВ как свою собственную, в случае начала войны. Гоминьдановцам очень повезло, что вьетнамцы справились сами.

Снова в небе шум моторов, но уже другой. И появились вертолеты – вот они садятся прямо на площадь, и из них выскакивает десант, такая же легкая пехота с пулеметами и гранатометами, что только что прошла здесь. И на вертолетах (русских Ми-4) видны блоки РС – винтокрылые машины и огневую поддержку десанту могут оказать. Иностранные гости ожились и защелкали фотоаппаратами больше прежнего. Аэромобильные части для джунглей – этот опыт надо перенять. Хотя у французов уже было что-то подобное в Алжире.

А русские советники смотрели с тревогой. Ми-4 был отличной машиной, но одновременно нести десант и ракеты не мог – к вертолетам были подвешены алюминиевые муляжи, очень похожие на настоящие. Впрочем, в реальном бою противнику не будет легче – первыми пойдут вертолеты с ракетами, затем с десантом, да и пулеметы на всех Ми-4 огневую мощь обеспечат.

И с печалью глядел на парад король Лаоса Сисаванг Вонг. Как бедной обезьяне уцелеть, если нет рядом дерева, с которого можно безопасно наблюдать за битвой двух тигров? Только тех войск, что сейчас прошли, хватило бы, чтобы растерзать всю королевскую армию, жалкие десять тысяч солдат, обученных лишь церемониальной службе и расправе с безоружными крестьянами. И даже это уже не выходит – последней каплей, после которой король поспешил к соседям на поклон, был вопиющий случай, когда рота (две сотни) королевских солдат пришла в некую деревню, где мужичье не захотело платить подать своему помещику, да еще и учредило «кооператив». Но вместо наказания вышел позор, поскольку в деревне был отряд Вьетконга, и солдаты, увидев, что им сейчас придется насмерть сражаться с этими ужасными головорезами, сразу оружие побросали, даже убежать не могли, «нас внезапно окружили, пулеметы со всех сторон». А вьетконговцы только посмеялись, лишь помещику всыпали бамбуковых палок «в науку» и командира роты, француза, расстреляли, а всех прочих выгнали вон, без оружия, амуниции и даже сапог и ремней, издевательски поблагодарив, что все это им принесли. Сержант, рассказывавший об этом, плакал: «Мои предки десять поколений в войске Вашего Величества служили, – но какая бы польза вам от того, что нас бы всех убили, решишь мы сопротивление оказать?» Вьетконговцев в деревне было меньше полусотни – и что будет с королевской армией, когда Хо Ши Мин пошлет на Лаос пятьдесят тысяч своих?

Ведь Лаос всегда был мирной страной. Самой бедной, в сравнении с соседями, Вьетнамом и Камбоджей, и самой труднодоступной – выхода к морю нет, великая река Меконг по границе течет, так что и грабить нечего, вывозить выйдет себе дороже. Потому Лаос в течение веков никто не завоевывал – когда французы пришли, правящий тогда отец его величества мирно признал себя французским вассалом, и вся колониальная власть свелась к появлению французского «генерального резидента» при королевском дворе (правда, с полномочиями выше королевских), да к добровольной уплате не слишком большой ежегодной дани, ну и к французским гарнизонам возле реки – а многие из подданных, не только крестьяне, но и помещики, чужого мундира так ни разу и не увидели; впрочем, в горных джунглях до сих пор племена живут, как тысячу лет назад. Японское вторжение тоже задело Лаос лишь краем – и сразу после завершения Великой войны Его Величество поспешил вновь заявить о своем подчинении законной французской власти, ведь независимость, полученная из рук недостойных японцев, не может быть признана европейскими державами. И казалось, все будет как прежде, по Конфуцию – мир, спокойствие и порядок. Быть послушным вассалом сильной державы – это способствует процветанию!

И вдруг все полетело кверху ногами! Французы оказались слишком слабым сюзереном – самый непростительный грех. Завелись в Лаосе смутьяны-коммунисты, жаждущие перемен – хотя в целом люди из Патет Лао старались вести себя пристойно. Но менять даже несправедного

господина – это путь к смуте и бедам. Так что он, король Сисаванг Вонг, старался поначалу не замечать происходящего, в надежде, что «само образуется». Но перемены были все больше и страшнее – французы ушли из Тонкина (северной провинции Вьетнама), где тут же установилась коммунистическая власть, и отряды Вьетконга стали ходить через границу в Лаос как к себе домой. Затем на юге, в соседней Камбодже, началось что-то совсем ужасное – причем французы и там показали свое полное бессилие. Более того, французский резидент сказал королю, что «Франция договаривается с Вьетконгом о выводе из Лаоса французских войск через вьетнамскую территорию – так как эти три тысячи солдат не остановят натиска орды кхмерских фанатиков и лишь погибнут без всякой пользы». В итоге на половине территории Лаоса власть фактически уже принадлежит союзу Патет Лао с Вьетконгом, хотя королевских чиновников, полицейских, солдат не трогают, а относятся к ним как к бесполезным деталям интерьера (конечно, если они не пытаются во что-то вмешаться, а лишь сидят, закрыв глаза, и жалование от короля получают). Единственными пострадавшими оказались помещики, не получая арендной платы и лишившись средств к существованию – но даже им не мешают убраться куда угодно и жить на что угодно. И находятся такие, кто, покоровшись судьбе, сам начинает обрабатывать землю, или владеет иной полезной профессией. Но большинство требуют от короля, чтобы он «навел порядок», – а что он может сделать?

Он король – но не герой, не воин, и в шестьдесят восемь лет уже не думаешь о подвигах. И совершенно не прельщают лавры Хам Нги, императора Вьетнама (хотя французы называли его лишь принцем, так и не утвердив титул наследника после смерти его отца Ты Дыка), кто в 1883 году поднял восстание против французов, был ими разбит и на французской каторге умер. Лаос же до французов был вассалом Вьетнама – что ж, придется вспомнить традицию. Тем более что сам правитель Хо Ши Мин – такой же вассал Сталина, которого боятся и французы, и американцы, подчиниться этому господину вовсе не позор.

Говорят, что Сталин, как и Хо Ши Мин, живет в скромности. Но на Востоке принято, что чем пышнее двор правителя, тем больше уважения к стране. Так что есть надежда, что новые повелители не дадут умереть с голода и ему, законному монарху, и всей королевской семье, пятнадцати женам и полусотне детей. А он, король Сисаванг Вонг, согласен исполнять чисто церемониальные функции монарха – подобно тому, как было во Вьетнаме при французах, да и после, бывший император Бао Дай одно время ходил в советниках у Хо Ши Мина. Первый король коммунистического Лаоса, не самая худшая судьба – и, может, ему разрешат сохранить этот пост и для потомков: старший сын, Саванг Ватхана, вполне подходит на роль следующего короля.

Решать надо быстрее, времени уже не осталось. Поскольку с юга надвигается ужасная беда – какая муха укусила милейшего короля Сианука, что он себя новым Тамерланом вообразил? Говорят, что приказы отдает не он, а какой-то Пол Пот, «главный комиссар», – ну так это давно известный прием, добрый король и злой министр (который делает всю грязную работу). И не раз в истории было, когда при смене династии первые правители вынуждены были с жестокостью вырезать всех представителей и сторонников династии прежней (даже вместе с семьями) – но затем, поскольку надо как-то жить, «бешеных» сменяли «умеренные», как это было когда-то во Франции (за Робеспьерами приходят Баррасы), и в СССР шестнадцать лет назад; очевидно, что вьетнамцы, во всем подражая русским, взяли за образец уже смягченный коммунизм – а кхмеры, первозданный, семнадцатого года. Но ясно, что когда придет Сианук, он прикажет вырезать всех, как бывало в древнем Китае в эпоху Семицарствия. Оттого и приходится ему, истинному королю и потомку королевей, униженно добиваться аудиенции у Хо Ши Мина, который вовсе не благородных кровей. Но на что не пойдешь ради спасения своей страны, своей семьи и своей головы, наконец!

Назавтра в Ханое был уже другой парад. Тридцать тысяч пленных китайцев прошли по улицам под конвоем – а за ними ехали поливальные бочки, как на московском «параде плен-

ных» 20 апреля 1944 года. Они хотели «проучить» Вьетнам – теперь будут работать на восстановлении его народного хозяйства, строительстве дорог и мостов. Пока не будет подписан мирный договор, определивший их судьбу.

В гоминьдановском Китае склонны забыть об этих неудачниках – проще наловить новых рекрутов? Что ж, на этот случай среди пленных проводилась политическая работа – те, кто окажется сознательным, могут подать прошение, и через пять лет беспорочного труда получают гражданство ДРВ. А кто окажется несознательным – ну значит, им не повезло.

Карикатура, напечатанная в «Дейли миррор», Лондон.

После перепечатана многими европейскими газетами

Дядя Сэм и русский медведь в ушанке с красной звездой, сидя за столом, делят пирог, на котором написано «Индокитай». За спиной у каждого – по кучке мелких азиатских личностей самого разбойного вида. А на полу вместе со стулом валяется француз (внешне схож с де Голлем), только что получивший оплеуху и выкинутый из-за стола.

Де Голль, президент Франции

Формального правителя Камбоджи – короля Нородома Сианука – де Голль знал достаточно хорошо, несколько раз даже беседовал с ним лично. Кхмер, но вполне европейски выглядывший и с европейским образованием (сначала французские школы в Пномпене и в Сайгоне, затем военное училище Сомур в метрополии). И угораздило же его при этом познакомиться с понятиями социализма и либерализма, черт их дери!

Послевоенный СССР вызвал у Сианука живой интерес, однако на его вкус внутренняя политика Сталина была все же «слишком левой» – самого себя король считал «умеренно левым» политиком. Воззрения Сианука представляли странную смесь социализма, либерализма, демократии, монархии, буддизма и национализма, однако именно на такой основе король хотел провести в Камбодже масштабные преобразования. Самое неприятное для французов было в том, что Сианук действительно хотел превратить Камбоджу в современное и процветающее государство, а не просто прибрать к своим рукам всю власть и богатство, как современные африканские царьки из авеколистов. Хорошее же заключалось в том, что никаких реальных возможностей завоевать настоящую, а не формальную независимость у короля не было. Какой может быть суверенитет, если французский представитель определяет даже, какую сумму дозволено потратить на содержание короля и его штата придворных?

Тогда, вознамерившись добиться независимости Камбоджи путем своеобразного мирного протеста, Сианук уехал в Таиланд, заявив, что вернется, лишь когда Камбоджа станет свободной. Де Голль в ответ посоветовал королю не валять дурака – этот глупый демарш был немного неприятен для имиджа «Французского содружества», но не более того. Франция, ведущая непрерывную войну во Вьетнаме и отчасти в Лаосе, не могла себе позволить демонстрацию какой-либо слабости, а тем более допустить появление по соседству с зоной боевых действий еще одного социалистического государства, пусть даже и «умеренного». В ответ Сианук пригрозил, в Камбодже его ждут четыреста тысяч бойцов, готовых сражаться за свободу. Будь сейчас на месте де Голля какой-нибудь либеральный президент, это, может быть, и сработало бы. Но де Голль был боевым генералом, которого не запугать пустыми угрозами. Разведка ни о каких вооруженных формированиях в Камбодже, которые могли бы поддержать переворот, не докладывала – народные массы королю сочувствовали, но не более того. Так что ответ был – если король хочет вернуться на свое законное место (место подчиненного, хе-хе), то милости просим, но о выходе Камбоджи из Французского содружества не может быть и речи.

И вдруг Сианук действительно перешел границу, и не один, а с целой армией! Откуда, как?! Поначалу во Франции ничего не поняли, кроме того, что в Индокитайской войне внезапно открылся новый фронт. Некого же Пол Пота на фоне короля просто не заметили – газеты поначалу писали только о «попытке переворота короля Нородома Сианука», который официально и был главой сил вторжения. Однако скоро стало известно о необычайных зверствах, которые творили повстанцы – это было столь не похоже на умеренного потомка династии Нородом, что де Голль поначалу не поверил. Получивший европейское образование, хорошо воспитанный, прогрессивный король – и массовые забивания мотыгами всех европейцев, даже некомбатантов?! Но слухи быстро подтвердились, одновременно с информацией о зловещей фигуре «главного комиссара» Пол Пота, который фактически и командовал «революционной армией», произнося пламенные речи о необходимости жертв в революционной борьбе, а на деле поощряя самое гнусное насилие над мирными жителями, не исключая и таких же кхмеров, как и он сам, только «запятнавших себя связями с врагами». Отнюдь не умеренный левый, а самый что ни на есть коммунистический фанатик!

Найдя, как ему казалось, источник всех бед, де Голль по дипломатическим каналам выразил Москве свое возмущение и потребовал хотя бы прекратить бессмысленную резню мирных граждан. Советские в ответ ожидаемо сообщили, что ни в коей мере не поддерживают Пол Пота – но еще и заявили, что по их сведениям «так называемый Пол Пот» принадлежит к троцкистскому течению марксизма, последователи которого недавно были в СССР, в очередной раз разгромлены и пригвождены к позорному столбу. И даже предоставили сведения о настоящей личности «главного комиссара» – которые при проверке полностью подтвердились. Пол Пот, он же Салот Сар, двадцати восьми лет от роду, был недоучившимся студентом, отчисленным из Парижского университета, недолгое время состоял в коммунистической партии Франции, ни в каких связях с русскими не был замечен, зато имел контакты с американцами. Тут еще стало известно, что оружие у армии «революционеров» не советское, а американское (включая артиллерию, танки и самолеты), и больше того, замечено участие в боях на стороне мятежников «Тандерджетов-84» без опознавательных знаков – однако эти реактивные истребители состоят на вооружении исключительно ВВС США и официально не поставлялись даже союзникам по Атлантическому альянсу.

На французский протест в Вашингтоне нагло ответили, что не обязаны давать отчет о том, кому продают оружие, и посоветовали «союзнику» не лезть не в свое дело – помня, что только американские войска в Европе (находящиеся во Франции по двухстороннему соглашению, раз уж Франция еще три года назад вышла из Атлантического Союза) защищают вас от вторжения таких же коммунистов, как те, которые режут французов в Камбодже. То есть американцы решили создать свое карманное правительство и отнять у Франции часть Индокитая – но если им нужна марионетка в Камбодже, зачем им вооружать этого коммуниста-недоучку, а не «европейца» Сианука?! Они же самые заклятые враги коммунизма в мире! Впрочем, стоило немного подумать, как стало ясно и это – видимо, и сама Камбоджа сейчас стала лишь разменной монетой, а главным стремлением США было создать «свой» коммунистический режим и таким образом внести раскол во всемирный или хотя бы индокитайский коммунизм.

Значит, нашу власть в Индокитае они уже списали. Которая и так уже держалась на тонкой ниточке. Только что пал Пномпень, где в «битве на рисовых полях» и последующей резне погибло еще три тысячи французов. Оставшиеся отступили за Меконг, и теперь в Камбодже под номинальным контролем Франции осталась только пара окраинных провинций (кишащих прокоммунистическими партизанами). Но уйти оттуда нельзя, так как тогда «красным кхмерам» откроется прямой путь на Сайгон – а возбужденный победами и американской поддержкой Пол Пот вполне может не ограничиться Камбоджей, а захотеть прибрать и Вьетнам, по крайней мере его южную половину. И если французы отступят сейчас от Меконга, то добраться до Сайгона кхмерам будет куда проще, чем до «своей» же восточной Камбоджи. Нет, их необ-

ходимо сдержать именно на Меконге – а значит, туда нужно перебросить войска из Южного Вьетнама.

Русские (с которыми де Голль общался здесь в сорок третьем году) называли такое положение «тришкин кафтан». Франция банально не могла позволить себе содержать настолько большую армию! И мало вьетнамских проблем – неясно, что с Лаосом делать. Вьетконговцы пока не стремились расширить там масштаб своих действий, резонно считая южный фронт более важным – и до недавнего времени трех тысяч французских солдат (и еще десять тысяч в так называемой «королевской армии») хватало, чтобы поддерживать порядок. Но если раньше при необходимости можно было доставить подкрепления через Камбоджу, то теперь этот путь был полностью отрезан. И разведка докладывает, что «дядя Хо», воспользовавшись перемирием в южном Вьетнаме, вполне в состоянии бросить в Лаос пятьдесят тысяч своих головорезов, отлично вооруженных и обученных советскими инструкторами, и это в дополнение к отрядам Патет Лао – тут вопрос лишь, кто успеет раньше, вьетконговцы, или Пол Пот? Цинично рассуждая, лучше уж первое – просоветские повстанцы не были замечены в бессмысленной жестокости к пленным и гражданским. Может, и правда, тогда в мае в Сайгоне работали американские наемники, устроив «пробу сил» перед главным делом?

Хотя не надо быть провидцем – даже в Камбодже коммунистические повстанцы, окопавшиеся в тех самых восточных провинциях в левобережье Меконга, не подчинятся Пол Поту и не признают власть Сианука. Во-первых, они крепко связаны с Вьетконгом и с советскими, во-вторых, среди них (и населения тех краев) много вьетнамцев и тямов (мусульманская народность Индокитая), в-третьих, туда сбегали те, кому повезло спастись от полпотовских зверств. Аналогично и с Лаосом – по чисто географической причине, Вьетконг может гораздо быстрее, чем кхмеры, перебросить туда значительные силы (королю Сисавангу Вонгу, оказавшемуся между молотом и наковальней, не позавидуешь). Расклад схож с Китаем пятидесятого года, большая драка между просоветской и проамериканской маками, причем первых больше и как бы не в разы, зато у вторых техническая мощь и поддержка самой богатой державы мира. Но – болота, джунгли, горы, где не то что дорог, даже точных карт для большей части территории нет. Техника становится мертвым грузом, авиация не видит целей, и даже напалм и химия во влажном лесу (особенно в сезон дождей) не дают эффекта. Грядет война, и жестокая – «просоветские» партизаны, когда убивали их гражданских и парламентариев, в ответ зверели не меньше. Только где в ней место прежним хозяевам, французам?

Какое уж тут «отступить, не потеряв лицо»! В Берлине внаглую смеются по поводу так и не подписанного Акта капитуляции еще за ту войну: «Вы девять лет туземцев победить не можете, а хотите что-то получить от нас?» И в самой Франции скоро уже снова до уличных бунтов дойдет, как в пятидесятом – хорошо, тогда ума хватило, и у левых и у правых, не раскачивать лодку, не играть с огнем, поскольку гражданская война реально могла бы перерасти в Третью мировую. Правда, подвиг семнадцатого полка в битве при Пномпене или «битве на рисовых полях», как окрестили ее журналисты, на некоторое время возродил французский патриотизм. До той поры, когда придется платить по счетам: война – это очень дорогое занятие, и кому придется туже пояса затянуть?

Американцы – с такими союзниками, как говорят русские, и враги не нужны. Да, Франция вышла из Атлантического союза (что позволило хотя бы из штабов этих заклятых «друзей» выгнать), но ценой заключения «временного» двухстороннего договора с США на «переходный период» в десять лет. В течение которого американские войска с нашей территории не уходят, ну а мы должны платить в рассрочку за все, что заокеанский союзник у нас построил для защиты от коммунистического вторжения – аэродромы, полигоны, казармы, ремзаводы. И за кучу складированной техники, что, по идее, при начале войны с Советами должна была поступать вновь развертываемым дивизиям Армии США – причем в Вашингтоне требуют заплатить за этот бывший в употреблении товар как за новый, пришлось этот пункт договора подписать,

иначе с расторжением союза ничего не выходило. Чтобы расплатиться, де Голль в пятьдесят первом даже к Сталину обращался, просил дать кредит (банкиры начала века вертятся в гробах – Франция у русских кредит просит!), но Советы выставили неприемлемые условия, прежде всего касаясь нашего ухода из Индокитая, а на это мы тогда не были готовы пойти.

Теперь же – придется. Созвать мирную конференцию, заключить договор с Вьетконгом. И пусть уже у него и советских болит голова на тему, что делать с бешеными «красными кхмерами».

Ну а нам – осуществить наконец «американцы – вон». Что, конечно, никак не могло понравиться за океаном. Интересно, что на этот раз оттуда даже не пытались возмущаться, требовать, условия ставить. То ли наконец признали, что Франция пока еще одна из мировых держав, а не какая-то Панама, то ли уже его, де Голля, списали со счетов. И самым тревожным сигналом тут был даже не ввод на нашу территорию еще нескольких дивизий Армии США (в соответствии с Договором, «в случае угрозы для своей национальной безопасности» имеют право), в Китае очередное обострение, так что вполне сойдет как мера по укреплению «Рейнского рубежа» (вообще-то германо-французская граница лежала заметно к западу от Рейна, но название прилепилось). А некий опус о Третьей мировой войне, напечатанный серией статей в известном и влиятельном американском еженедельнике «Кольер уикли». Причем размах проекта и список привлеченных гениев однозначно показывали наличие правительственного заказа.

История возможной Третьей мировой войны – в которой «свободный западный мир» после долгих усилий и жертв наконец одерживает верх. Никакого «малой кровью, на чужой территории» – даже США теряют в итоге сорок миллионов населения. А про Европу и читать страшно – в сравнении с тем, хроники Столетней войны, когда «можно было ехать неделю, не увидев ни единой живой души», кажутся милыми рождественскими сказками, в те времена хотя бы радиоактивного заражения не было и можно было в лесу пересидеть, не попадаясь на глаза чужим солдатам. После атомной войны же останется лишь выжженная земля, которую даже заселить вновь можно лишь через десятки лет. Слава богу, мы пока живем не в том вымышленном мире – но зачем писался сей опус, обошедшийся в немалую сумму, одни лишь гонорары знаменитостям – это страшно представить, сколько! Американцы решили не повторять нашей ошибки сорокового года, когда в газетах и с трибун кричали «лучше нас поработят, чем снова Верден»? И первый шаг сделать воображаемое реальным – это впечатать его в сознание масс, перевести в разряд психологически допустимого. То есть в Вашингтоне уже принято решение и начат обратный отсчет.

И согласно сюжету, все начнется с убийства его, генерала де Голля. Как прошлая Великая война – с выстрелов в Сараево. А скоро уже, нет, не Бастилия, но День памяти, годовщина окончания первой Великой войны, 11 ноября, когда он, президент Франции, также должен будет выступить перед еще живыми ветеранами (и прочей публикой).

Отношения с США сейчас... сложные. С одной стороны, союзники против коммунизма, с другой – третий год идет самая настоящая торговая война, с санкциями, запретительными пошлинами, арестами активов. И силы явно не равны – но уступать наглым янки нельзя, всю французскую экономику и финансы под себя подомнут. Тогда в пятидесятом французские Ротшильды в союзе с Ватиканом сумели сильно потеснить американцев, став сейчас даже большим кредитором Франции, чем США. Что на Уолл-стрит очень не понравилось – но вместо того, чтобы оставить нас в покое или играть честно, американцы ведут себя с нами как с Китаем времен «опиумных войн». Как, например, четыре больших парохода, под звездно-полосатым флагом пришедшие в Бордо, официально задекларировали груз, четыреста тонн яичного порошка – а вместимость трюмов на каждом судне по девять тысяч тонн, куда остальное делось? Расследование, проведенное по личному приказу президента, выявило главного виновника, самого начальника таможни месье Лажуа (и кучу лиц поменьше). «Ах, господин

следователь, вы понимаете, что жизнь нынче дорога, и мне надо семью кормить». А груз уже разлетелся по Франции, и такие же добропорядочные «месье лажуа» будут продавать товар другим честным месье, радостным, что сумели сэкономить семейный бюджет – все довольны, кроме французской казны. И нет никакой гарантии, что преемник месье Лажуа так же не поддастся соблазну, у него тоже семья и потребности, а Франция сейчас не настолько богата, чтобы платить своим верным служащим больше, чем янки. И выходит замкнутый круг – чтобы нас в мире уважали, большие деньги нужны, одна лишь программа создания собственной Бомбы столько поглощает, даже на армии экономить приходится, основным танком до сих пор остается легкий АМХ-13, что вызывает даже у соседей за Рейном гомерический смех. Боже и святая Жанна, помоги Франции продержаться еще восемь лет – когда у нас ядерное оружие появится, я надеюсь, и американские войска наконец с нашей территории уйдут.

Пока же Армия США находится во Франции, «защищая нас от коммунистического вторжения», в строгом соответствии с Договором. Двенадцать дивизий – и ожидается прибытие еще двух. Каждые две недели красавец лайнер «Юнайтед стейтс», успев совершить полный оборот через океан в оба конца, плюс погрузка-разгрузка, швартуется в Гавре и выбрасывает на берег очередные десять тысяч храбрых американских вояк, где их уже ждут поезда, развести по местам дислокации, а тяжелая техника была у нас складирована с сорок пятого года. И сам факт, что американцы переоборудовали свой лучший лайнер в войсковой транспорт (в прежние каюты-люкс запихнуть по взводу), тоже говорит о многом – это сколько же пришлось судовладельцу заплатить, включая и упущенную прибыль от пассажирских рейсов? Также известно о резком усилении ВВС США в Англии, туда целое авиакрыло новейших В-47 перелетело, достаточно, чтобы атомными бомбами пол-Европы сжечь. В Копенгаген их эскадра пришла, в составе три тяжелых авианосца, и на борту тоже Бомбы и штурмовики-носители – а согласно американской военной доктрине, палубная авиация – это такое же стратегическое оружие, как и тяжелые бомбардировщики (конечно, при условии заблаговременного выдвигания авианосцев к берегу врага).

То есть американцы готовятся начать войну? А ему, де Голлю, отведена роль эрцгерцога Фердинанда. И независимо от того, кто в этой войне победит, – Франции в послевоенном мире не будет. Не только в числе победителей, но и вообще.

Что еще может предпринять он, президент Франции, – объявить войну США (и Англии заодно, ясно ведь, за кого она впишется)? Глупо – при имеющемся соотношении сил, нас оккупируют за двадцать четыре часа, и это в лучшем случае, если СССР, ГДР, Италия останутся нейтральными. А если они решат вмешаться – Франция превратится в поле боя той самой Третьей мировой, а дальше – все по сюжету «Кольер».

«Третья мировая война. Выпуск 2».

«Кольер уикли» (фантазия)

Президент Соединенных Штатов был мрачен и решителен. Как и подобает лидеру великой страны перед принятием судьбоносного решения.

Несчастливая Франция погибала. В Амьене русские, выстроив на плацу солдат капитулировавшей Второй пехотной дивизии, спросили, кто желает вступить в армию «Новой Свободной Франции» – и всех отказавшихся тут же расстреляли. В Реймсе, как утверждают агрессоры, сын мэра застрелил генерала Фольксармее, после чего четыре тысячи гражданских заложников были расстреляны, в их числе женщины, даже дети, самым младшим был Жан Прюно, десяти месяцев от роду. Расстреливали священников, чиновников, полицейских, владельцев собственности – любого, на кого указали «добровольные помощники» из числа членов ФКП. На Марне, почти что в исторических местах, где шла легендарная битва в 1914 году, Пятая пехотная дивизия Армии США сумела на целых шесть часов сдержать русское наступление – пока не погибла полностью, смешанная с землей бомбежкой, снарядами артиллерии и РС,

раздавленная гусеницами русских танков. А во многих городах Франции, включая столицу, пылали коммунистические мятежи.

– Они уже в Бовэ, – сказал председатель Комитета начальников штабов. – Ворвутся в Париж меньше чем через сутки. И останавливать их некому. Они уже убили пятнадцать тысяч наших парней – черт побери, мы обязаны что-то предпринять!

– В Париже сейчас нет и не предвидится законной власти, – сказал госсекретарь. – По имеющимся у меня сведениям, большинство депутатов и министров или разбежались кто куда, как в сороковом году, или забились в щели и боятся высунуть нос, в ожидании, что «все образуется». Нет никого, кто бы решился взять на себя ответственность власти со стороны прежней Республики. А коммунисты готовы – когда сопротивление последних сил правопорядка, полиции и войск, оставшихся верными присяге, будут сломлено, тотчас же возникнет какой-нибудь Совет во главе с диктатором и объявит себя единственной легитимной властью. После чего к мятежникам примкнут и те, кто пока колеблется, в том числе и среди армии. И это случится, возможно, в течение ближайших нескольких часов.

– Силы противника насчитывают, по данным разведки, свыше девяноста дивизий на северо-восточном фронте, – заметил председатель КНШ, – и еще пятнадцать русских и итальянских на юге. И это войска, уже полностью развернутые, отобилизованные, втянувшиеся в войну. У нас же, я напомним, на французской территории всего шесть дивизий, по штатам мирного времени. Еще две таких же в Британии и одна в Бельгии. Мы также можем рассчитывать на тридцать две дивизии Голландии, Бельгии, Дании, – но лишь после их мобилизации, в недельный срок. И одиннадцать дивизий британцев, из которых четыре уже на континенте, в составе их Рейнской армии. При том, что русские также могут увеличить свою группировку за счет подвоза из внутренних военных округов СССР, а также задействовать поляков, венгров, румын – численность и боеспособность которых по крайней мере не ниже названных мной голландцев и бельгийцев. В итоге наших сил не хватит, чтобы отразить русско-германскую агрессию. Если только не...

– Договаривайте: если мы не применим ядерное оружие, – бросил президент. – Надеюсь, сил наших ВВС с баз в Англии достаточно? А также палубной авиации – в какой срок мы можем перебросить еще два авианосные эскадры к берегам Европы, в дополнение к той, что сейчас гостит у британцев? Мы нанесем массированный атомный удар, пока лишь по войсковым колоннам противника – уведомив Москву, что если они не станут бомбить наши города, мы не тронем их гражданское население. И надеюсь, что в Кремле ума хватит наше предложение принять. А я через пару часов выступлю с обращением к нации и всему миру!

«Фаньер», 4 октября 1953 г.

Мы хотели бы обратить внимание всех французов на один факт, угрожающий их национальной безопасности.

Как известно, через Францию проходит маршрут перелета птиц, из стран красного блока и на зимовку в теплые края. А еще в первую Великую войну делались попытки снабжать голубей миниатюрными фотоаппаратами для шпионских целей. Больше того, всего десять лет назад, в войне на Тихом океане изучалась возможность использования птиц (а также летучих мышей) в качестве камикадзе, с зажигательными бомбами. Русским же этот жестокий способ ведения войны был известен еще тысячу лет назад – согласно летописи, так был сожжен город Коростень.

Неужели Франция оставит эту угрозу без внимания? Ведь достаточно всего лишь (по советам охотников) даже не отстреливать всех этих коммунистических уток и голубей, а специальным людям ходить по земле, пугая птиц, севших на отдых – после чего те, обессилив, сами будут падать нам

в руки. И заниматься этим могут безработные, нанятые за минимальную плату – чтобы не отвлекать французских фермеров от их дел.

В ответ – опубликовано в «Юманите».

Американский самолет
Летит во Францию на базу.
И без особенных хлопот
Ему дается виза сразу.
С востока голуби летят –
Им визы выдать не хотят.

«Третья мировая война. Выпуск 3».

«Кольер уикли» (фантазия)

Из выступления президента Соединенных Штатов.

У свободного мира нет ссоры с угнетаемым русским народом – только с его угнетателями, засевшими в Кремле. И атомные бомбы стран свободного мира будут использованы не для истребления русской нации, и не для обращения ее в рабство, как хотел Гитлер, а лишь для того, чтоб принести русскому народу подлинную свободу и демократию – священные принципы, по которым живет весь свободный мир.

Конечно, мы не должны будем ждать от побежденной России, что она немедленно создаст копию нашей демократии. Мы должны помнить, что уровень самоуправления и частного предпринимательства определяется уровнем демократической культуры, до которой доросло данное общество. Мы должны будем лишь удостовериться, чтобы из руин войны вновь не выросла диктатура. А потому освобожденному русскому народу будет предоставлена такая политическая форма свободы, которая наиболее подойдет к русским условиям.

Мы призываем тех, кто сидит в Кремле: еще можно предотвратить кровопролитие. Станьте на путь демократии, сверните Железный Занавес, допустите у себя полную свободу собственности и торговли. Дайте поработенным вам народам право на самоопределение, прекратите их культурно подавлять, навязывая свой язык. Сократите свои вооруженные силы, оставив разумный минимум, достаточный для защиты территории и поддержания на ней порядка. И поверьте, что Запад тогда не будет иметь к вам никаких претензий – напротив, мы будем рады жить в мире с новой, демократической Россией, вести с ней выгодную торговлю, обмениваться идеями.

Мы призываем русских воссоединиться с семьей мировых народов. Открыть свои двери остальному миру, разрешить свободную торговлю, открыть ресурсы своей страны для конструктивного использования, и таким образом улучшить жизнь всего человечества. Прекратите пагубную политику закрытия зоны своего влияния для мирового рынка, дозволить свободное перемещение через границы людей, товаров, идей. И если вы решите оказать бессмысленное сопротивление всему цивилизованному свободному миру – то мы будем с вами воевать, пока вы не капитулируете.

Мне искренне жаль наших храбрых солдат, кто погибнет во имя мировой демократии. Но я обращаюсь сейчас ко всем людям Земли: это будет последняя битва, после которой наступит всеобщее счастье, мир, покой, единый для всех порядок. Последний бой между силами Добра и Зла, между Светом и Тьмой – после которого уже никто на земле не станет подвергать сомнению наши высокие идеалы. Одним из которых является – подлинно свободный мир не дозволяет ущемления свободы и убийства своих граждан. У нас были разногласия с президентом

французов – но несмотря на это, он был одним из нас. И его подло убили адепты Тьмы. Если мы это простим, смиримся, не заметим – завтра они придут за любым из нас. Для свободного мира священна жизнь любого из своих граждан – в отличие от тоталитаризма, для которого люди – как дрова в топке. Убив высшее лицо свободной страны, русские перешли черту – и должны будут за это расплатиться.

Берлин. Посольство Норвегии.

6 октября 1953 г.

Это был обычный прием, устроенный по случаю... а какая разница! Для военно-воздушного атташе генерал-майора Эгиля Аронсена важным было лишь то, что к нему подошел герр Кноп, с которым славный норвежский воин был знаком еще с сорок первого года (да, оккупация – но ведь Норвегия демократическая страна, а не диктатура, подвергающая своих верных солдат репрессиям за пребывание в плену). В те прошлые годы герр Кноп носил погоны люфтваффе – сейчас же был в штатском, и работал в «Люфтганзе».

– Герр Аронсен, могу я сказать вам нечто, не для чужих ушей? Очень скоро, возможно уже завтра, вы получите приказ из Осло немедленно вернуться. После чего дома вы проживете весьма недолго. Это решил кто-то из ваших – тех, кто выше вас.

Аронсен слегка сбледнул с лица, и это не укрылось от внимания герра Кнопа. Однако норвежец быстро справился с собой и спросил:

– Вы из Штази? Или работаете сейчас на русских?

– Герр Аронсен, открою вам маленький секрет. Тогда в Тронхейме я не в отделе снабжения служил, а в разведке Люфтваффе. А вам известно, что в конторах бывших сотрудников не бывает. Однако, с вашего дозволения, продолжим. Вы все же немалая фигура, с вашим званием и должностью, – и, чтобы ее устранить, должна быть веская причина. Кому из своих вы перешли дорогу настолько, что он решил вас убрать? Мы могли бы вам помочь – но сами понимаете, благотворительность не в наших интересах. Если у вас есть, что нам предложить, то можете рассчитывать на нашу помощь. Я настаиваю на немедленном ответе – вот моя визитная карточка, впрочем, вам и так известен мой телефон. Если у вас появится желание, можем встретиться в «Баварии», вы ведь помните тот уютный ресторанчик на КарлМарксштрассе?

Аронсен хотел бы забыть о том разговоре. Но через три дня его вызвал посол – и слова немца оказались правдой, отзыв домой по «чрезвычайно срочному делу», без указания причины (что уже само по себе было подозрительно). И посол ничего не знал – так что Аронсен решился. Убить ведь могут не его одного – в том же пятидесятом у советника Йоргенсена на вилле взорвался газ, из семьи никто не выжил, и слухи ходили, что это не несчастный случай был. Или автомобильную катастрофу устроят, а ведь Сельма и девочки не раз просили его подвезти. Потому атташе тотчас же поспешил позвонить Кнопу. Который оказался на месте – и назначил встречу в том самом ресторанчике в семь вечера.

– Итак, господин Аронсен?

Норвежец нервно огляделся. То, что он сейчас совершит, называлось «государственная измена», а законы Норвежского королевства либеральны, но не настолько же! Но выбора не было – мертвым слава не нужна. Не приди он сюда, наверное, его имя не стали бы подвергать позору, похоронили бы с положенными почестями, в мундире и с орденами, под ружейный салют. А рядом, возможно, несли бы еще три гроба, один большой и два поменьше. Нет, хватит с него подвигов, он уже достаточно отдал своей стране – и в конце концов, не он начал эту игру!

– Вы уверены, что нас никто не услышит? И не узнает прежде времени о нашей встрече?

– Обижаете, герр Аронсен. Это ведь наша территория. И в этот кабинет никто не войдет, если мы не дозволим. Открою вам еще одну тайну: мы вышли на вас, потому что на вас готовилось покушение здесь, однако нам повезло узнать о том прежде. Что вызвало наш интерес уже к вашей персоне. Итак, я слушаю.

– Король Хокон Седьмой был убит, – сказал Аронсен, будто бросаясь в пропасть, – и это было сделано по прямому приказу посла США. Который вломился к королю вместе со своими громилами, а охрана была подкуплена и не вмешалась.

– Ну, это мы знаем, – ответил немец. – Разговоры о том ходили еще тогда.

– Есть еще пленка с записью, – сказал Аронсен. – Так случилось, что его величество как раз перед этим говорил со мной, отдавая приказ. А после оставил трубку не повешенной на рычаг – по небрежности, или уже что-то подозревал. И телефонные аппараты у меня и его величества были с встроенной звукозаписью. Его величество был немного позер и хотел сохранить для истории все свои приказы – такие телефоны были закуплены для всех важных министерств. Я сразу изъясил пленку – хотел показать как улику принцу Улафу, вернее, уже королю. Но не решился.

– Почему, раз уж вы попытались начать свою игру, не уничтожили запись?

– Думал сделать хоть что-то – против того, с чем не согласен. Но решил присмотреться – если эти убили короля прямо в его кабинете, то за мою голову никто бы и кроны не дал. И Улаф показался мне патриотом Норвегии. То есть он бы даже ради отца, которого уже не вернуть, не стал бы ссориться с американцами. В лучшем случае постарался бы договориться с ними полюбовно, – а разменной монетой стала бы моя жизнь.

– Что ж, мы вас услышали, герр Аронсен. Где пленка и что вы за нее хотите? Можем предложить вам политическое убежище, пожизненную пенсию, а если пожелаете, то и работу.

– Этого мало. В Осло моя семья. Жена и две дочки. Если вы сумеете вывезти их сюда... Тогда я скажу вам пароль, по которому вам выдадут пленку. Она в одном банке, в некоей нейтральной стране.

– В Люксембурге, герр Аронсен? Позвольте дать вам совет, будьте лучшим физиономистом, у вас по лицу все можно прочесть, хотя говорят, что скандинавы невозмутимы. Но не беспокойтесь, мы играем честно – обмани мы вас сейчас, завтра нам трудно было бы договориться с кем-то другим. Тем более что вывезти из Осло женщину и двух девочек для нашей фирмы не такая сложная задача. Шестидневный срок вас устроит? Скажете в посольстве, что больны – могу посодействовать, завтра утром вам доставят средство, от которого у вас и в самом деле будут все симптомы простуды, включая высокую температуру.

– Не надо, герр Кноп, мне поверят и так. Но вы можете обеспечить мне безопасность, если они решат добраться до меня здесь, в течение этих шести дней?

– Обижаете, герр Аронсен. Кто еще знает о существовании записи?

– Никто! Даже Сельма. Я не говорил никому.

– Герр Аронсен, ну вы как дитя. Эти телефонные аппараты с записью производит американская фирма «Белл», у вас ведь были именно такие? И запись ведется на обоих концах, пока не завершён разговор. Кому звонил ваш король, технически узнать легко. И наверняка люди из ЦРУ поинтересовались пленкой из аппарата на королевском столе, и по тому, что запись продолжалась, легко могли понять, что трубка не была повешена. После чего сложить два и два... я искренне удивляюсь, отчего вы до сих пор живы, а не попали под грузовик, не умерли от инфаркта, не отравились рыбой, не стали жертвой грабителей, не утонули в ванне, не выпали из окна – да мало ли что эти джентльмены могли придумать.

– Мне уже пятьдесят восемь, я пожил достаточно. А жену и девочек жаль.

– Увидите вы свою жену, в этом самом ресторане, не позднее чем через неделю. Но все же позвольте внести коррективы в ваши намерения. Ваша квартира, хотя и вне территории посольства, все же не слишком безопасное место, да и посольский врач вполне может вколоть вам вовсе не лекарство, а вам ведь придется его допустить к осмотру? Так что гораздо лучше, если вы через пять минут на улице упадете без сознания с сердечным приступом и будете увезены в наш госпиталь – нет, реально падать вам не надо, свидетели найдутся, подтвердят. Подождите, пока я сделаю один звонок, чтобы подъехала наша «скорая помощь».

«Берлинер цайтунг», 13 октября

Король Норвегии Хокон Седьмой был убит по приказу посла США. Запись случившегося в королевском кабинете 20 сентября 1950 года – эксперты подтвердили подлинность.

«Фигаро», Париж

В фантазиях от «Кольер» американцы готовы объявить атомную войну русским «за убийство гражданина свободного мира». В реальности они сами убили правителя дружественной страны, из собственной политической выгоды, чтобы трусливо избежать объявления войны СССР.

«Гардиан», Лондон

США еще раз продемонстрировали, что прекрасные слова для них очень мало связаны с поступками в стиле «реал политик». Вопрос, нужен ли нам такой союзник – всегда готовый предать?

«Телеграф», Амстердам

Америка показала всем – у нее нет друзей, нет правил, есть лишь свои интересы. И эту циничную политику она прикрывает самыми возвышенными и лживыми словами.

«Эфтонбладет», Стокгольм

К нашему глубокому сожалению, Его Величество Улаф Пятый категорически отказался дать интервью нашему корреспонденту. Этой чести удостоился лишь репортер норвежской «VG». Однако наша редакция располагает сведениями, что реальный ответ Его Величества весьма отличался от опубликованного вышеназванным изданием: «Мне ничего не было известно», – и не мог быть оглашен, ради нравственности читателей, а особенно читательниц.

Осло, Королевский дворец.

14 октября 1953 г.

– Ваше величество, следует ли расценивать ваш поступок как недружественный акт по отношению к моей стране, Соединенным Штатам Америки?

– Вы это у меня спрашиваете, господин посол? Вы, три года назад убившие моего бедного отца, – вы ведь тоже присутствовали при этом, мистер Хант? Вернее, отдали приказ своим бандитам, а сами поспешили выйти из кабинета, ради соблюдения приличий. А теперь, когда эта грязная история выплыла на свет, вы еще смеете в чем-то обвинять меня?

– Вижу, номер «Кольер уикли» на вашем столе. Раньше я думал, что вы, потомки викингов, совершенно не склонны к чрезмерному страху. Первая запись, вероятно, в вашем личном сейфе, ваше величество? Ну а вторую Аронсен увез в Берлин – куда вы срочно его сослали своим указом. Нам тогда было не до того из-за кучи срочных дел: беглый рейхсфюрер, русское вторжение и угроза атомной войны. Но сейчас-то вы это сделали зачем? Не торгуясь, не выдвигая требований – а сразу, как выстрел без предупреждения. Полагаете, моя страна такое оскорбление простит?

– Так вы думаете, что Аронсен сделал это по моему приказу? Вынужден вас огорчить – хотя, наверное, вы не поверите. Он от меня даже при отъезде никаких инструкций не получал. Я всего лишь убрал его подальше от ваших длинных рук. А дальше – все в воле божьей.

– Ваше величество, ну мы же взрослые, деловые, государственные люди – чтобы верить таким сказкам. Чтобы в таком деле – и не дать точных инструкций, не обговорить порядок связи.

– Вам, торгашам, этого не понять. Для вас король – это не более чем бессменный и наследственный президент. Королевская честь для вас – пустое. Как бы я, монарх, смотрел в глаза своему офицеру, признаваясь в таком бесчестии и позоре? Викинги никогда и ни за какую выгоду не прощали убийства своих родителей. Господин посол, вот мне сейчас больше всего хочется позвать свою личную охрану, кто сейчас за дверью стоит, и приказать им сделать с вами то же, что вы с моим отцом! Меня останавливает лишь ваш дипломатический статус, а также... Ответьте честно, господин посол, если бы я отдал такой приказ, кому бы подчинилась моя гвардия, обученная вашими инструкторами – мне или вам?

– Строго по уставу, ваше величество: вы же Верховный Главнокомандующий. Солдат должен выполнять приказы своего командира – в той мере, в какой они не противоречат воле вышестоящего начальства. Когда-то в молодости я тоже верил в идеалы – а после, как все умные люди, стал верить в принципы. Различие в том, что идеал – это нечто абстрактное, возвышенное и негибкое, а принципы максимально конкретны и приземлены. Если вам угодно играть роль «я ничего не знал, Аронсен сделал это по своей инициативе», это ваше право. Но вы выступите публично, сделаете официальное заявление – что все это гнусная ложь, а Аронсен изменник и коммунистический агент, что соответствует истине, он же в ГДР сбежал. Или же...

– Или что? Прикажете и меня убить, как моего отца?

– Ваше величество, ну не надо нас дешевыми гангстерами считать. Есть гораздо более цивилизованные меры. Вот забыл, какой долг вашей страны перед моей страной, цифру не напомните? Если вместо очередного нашего кредита вы получите требование уплаты по всем накопившимся векселям и потеряете доверие банкиров, – а восстановить его очень сложно... И как вы объясните своему народу необходимость затянуть пояса? Так и до «либертэ, эгалитэ, фратернитэ» недалеко, – а мы умеем руки, как Пилат. В надежде, что ваш преемник наконец расплатится за нашу «Кока-колу».

Король чуть заметно поморщился – этот янки настолько бестактен и толстокож, что попрекает нас собственным обманом? Завод «Кока-колы» в Осло был построен год назад в плане американской «помощи», предполагалось, что на общих паях и к взаимовыгодной прибыли (так сладко пели эти торгаши, желая получить разрешение). У бедной Норвегии не хватает денег на свой взнос – не беда, дадим кредит, после сочтемся. Вот только договор был составлен так, что большая часть прибыли уходила за океан, а норвежской доли дохода едва хватало на уплату процентов по кредиту. Зато норвежцы теперь могли в изобилии пить эту вонючую пеннистую гадость вместо старого доброго пива!

– Ваше величество, не надо смотреть на меня как на своего личного врага. То, что сделали вы, или по вашему приказу, оскорбило мою страну, дав сомнительной прессе повод называть нас нацией убийц. И оттого не лично я, а Соединенные Штаты Америки в моем лице требуют от вас опровергнуть эту гнусную ложь. Ваше величество, вы же понимаете, что такое политическая необходимость и что мы в той конкретной ситуации были вынуждены поступить так. И что в политике нельзя руководствоваться обывательской моралью.

– У вас говорят: «Ничего личного, только бизнес». Когда-то очень давно один поэт и мыслитель сказал про генуэзцев: «За грош выгоды родного отца или брата в рабство продадут, и еще будут хвалиться выгодной сделкой». Мне кажется, что вы, янки, генуэзцев в этом сильно превзошли.

– Ну, ваше величество, сказано было очень давно, бог пускает в рай не совестливых, а богатых. Тому в подтверждение моя страна – самая сильная, самая успешная из всех в этом мире. И моя страна сейчас требует от вашей оказать услугу. И давайте не будем спорить о том,

что было – вы же изучали юриспруденцию и знаете, что с юридической точки зрения было то, что доказано. А как обстояло на самом деле – волнует лишь моралистов и книжных червей.

– Ваша нация – потомки пиратов, воров, бандитов. В какой другой стране бандиты считаются национальными героями, как ваш Джесси Джеймс? Мои предки сидели на этом троне, когда по вашей земле одни лишь дикие индейцы бегали по прериям и лесам. И кстати, то, как вы с индейцами обошлись, лучше всего характеризует вашу мораль и вашу честь.

Посол обиделся. Теренс Хант был простым парнем из Техаса – решившим, что богатство будет неплохо дополнить политической карьерой. Для настоящего тегасца же очень важно, даже после отъема у кого-то собственности или лишения статуса, еще и убедить жертву в правильности данного поступка. Высшим шиком считалось, когда ограбленный тобой оставался тебе благодарен. Но годился и более простой вариант – просто втоптать неудачника в грязь, показав, что такое ничтожество было не вправе владеть тем, чего лишилось. Конечно, мистер Хант был обучен хорошим манерам, но сейчас этикет слетел с него, как шелуха.

– Как назвала ваше королевство и вас некая итальянская шлюха три года назад – полукорольство и полукороль? У этой девки очень хорошо подвешен язык – вы таковым и являетесь. Сегодня вы могли видеть в небе над этим городишком маленькую точку с белой полосой – это наш бомбардировщик с базы в Англии совершал патрульный полет у границ красного блока. С Бомбой, снаряженной по-боевому, – и пилоту важна лишь одна воля – воля нашего президента. Если поступит приказ – этого города больше не будет, причем обойдется даже без объявления войны, случайно оторвалась бомба – искренне сожалеем, а теперь примите наши условия, пока то же не произошло с другим вашим городом. Когда-то было «у нас есть пулемет, у вас его нет» – сегодня же «у нас есть Бомба, у вас ее нет». И если вы этого не понимаете, как тогда не поняли дикие зулусы, это ваши проблемы.

Началом карьеры мистера Ханта была некая банановая республика. Диктатор которой имел милую привычку бросать своих политических противников в пруд с аллигаторами, – и Хант помнил, какие маски смерти и ужаса были вместо лиц у тех, кого тащили туда. Сейчас же, наблюдая за лицом короля, посол с неудовольствием отметил, что угроза настоящего впечатления не произвела. Может, не поверил? Что ж, добавим!

– У моей державы в арсенале есть тысяча Бомб. Достаточно, чтобы обратить в каменный век любую страну, вызвавшую наше неудовольствие. Благодарите бога, что мы гуманные и цивилизованные люди, живущие в просвещенном двадцатом веке – а не варвары викинги, кто, взяв на копье Лондон или Париж, не оставлял там никого живого. Но вы знаете, ваше величество, отчего всякие там панамы и гондурасы – это республики, а не монархии? Потому что там правитель, нас огорчивший, тут же получает пинка под зад – представьте, как бы тогда династии менялись? И если мы пожелаем, в этой стране тоже завтра вместо короля будет президент, – а лично вы в лучшем случае будете в изгнании мемуары писать, а в худшем вас на эшафот потащат, когда ваш народ решит, что республиканский строй ему ближе. Кстати, вашей семье, королеве Марте, принцу Харальду, принцессам Астрид и Ранхильде, тоже никто не гарантирует безопасности.

Теренс Хант уважал больших людей. Понимая, что любой из них на пути к власти и богатству должен был сожрать не подавившись великое множество врагов. Однако по той же причине простой тегасский парень Хант, «сделавший себя сам», абсолютно не уважал бледных немощных аристократов, получивших все по праву рождения. Ставить их на место (приходилось уже пару раз) было для Ханта искренним удовольствием. Однажды он даже подумал (но, конечно, не сказал вслух), что «родись я в России, стал бы истинным большевиком».

– Но ведь этого не будет, ваше полукорольское величество? Если мы договорились. Вы выступите на пресс-конференции и скажете то, что нам надо. Иначе же моя держава будет очень недовольна и вами, и вашей страной. Если вам себя не жалко, то подумайте о своей семье.

– Марта, моя королева, в эту войну была гостьей вашего президента. Жила в вашем Белом доме, вместе с детьми, и Элеонора Рузвельт называла ее подругой. Вернулась домой лишь после изгнания немцев. Она всегда считала и считает себя искренним другом вашей страны.

– И ваши подданные дали ей имя Мать нации еще до того, как вы стали королем. Сейчас же она очень больна, и ваши врачи не дают ей больше года жизни. Так что для нас, цинично говоря, она сыгранная фигура на игровом поле. Ну, а ваши дети... нет, я не угрожаю вам, ваше величество, но те, кто придет к власти после вас, вполне может решить, что им не нужны живыми возможные претенденты.

– Будьте вы прокляты! Я выступлю с пресс-конференцией. В ближайшее воскресенье.

– Ну я всегда считал вас благоразумным человеком. И последнее, ваше величество. Ваш экземпляр той записи.

– Вы понимаете, что я его не в ящике своего стола держу. Куда подкупленные вами люди уже заглядывали, – не делайте невинное лицо. И даже не в своем личном сейфе, который тоже монтировали люди из дворцовой охраны. Но вы получите пленку после пресс-конференции.

– Тогда честь имею, ваше величество. Приятно иметь дело с умными людьми.

Когда посол вышел, король откинулся в кресле и закрыл глаза, стиснув рукояти с такой силой, что ни в чем не повинная мебель затрещала. Ярость, бушевавшая в душе Улафа Пятого, требовала выхода, но воспитанная с малолетства привычка сохранять достоинство позволяла держать себя в руках.

Англосаксы всегда были торгашами, умевшими скрывать за высокими словами свою гнилую суть. В отличие от отца, основателя династии Хокона Седьмого, король Улаф Пятый считал русских врагами, воевавшими с его страной и захватившими почти половину территории – но все же не вселенским злом. В них даже было что-то сродни викингам, а не торгашам – они захватывали и убивали, но не издевались, не унижали. Но теперь они и американцы сильны, а Норвегия слаба, и как потомкам викингов сохранить свою прежнюю жизнь, не сгибаясь ни перед кем? Подобно соседней Швеции, балансировать между противоположными лагерями? Но долгий мир с русскими невозможен, пока они захваченные земли не вернут. Будем честны, Финнмарк, скорее всего, мы потеряли навсегда – Советы активно переселяют туда свое население народности ротог, их там уже больше, чем норвежцев, – но провинцию Нурланн еще есть шанс когда-нибудь возвратить. И как хочется войти в историю королем – собирателем потерянных земель! Но это смешные идеалы, как сказал бы мистер Хант, а приземленные принципы говорят, что как только он, Улаф Пятый, начнет сближение с СССР, то не проживет и дня. Иностранцы удивляются, как это король, и ходит по улицам без охраны – и вошли в историю монаршии слова: «У меня есть три миллиона телохранителей, все мои подданные». А правда состояла в том, что формальная охрана – тайная полиция, контрразведка и даже королевская гвардия, вымуштрованные в свое время американцами – после тех событий три года назад были в глазах Улафа Пятого на первом месте в списке его вероятных убийц. Потому о любых тайных попытках дипломатии люди из ЦРУ узнают очень быстро, и их ответ будет очевиден. Но есть ведь еще дипломатия публичная, и глас народа – это глас божий, которому король вынужден будет подчиниться. Так что, заокеанские хамы, вы еще не знаете, какой будет мой ответ!

Король повертел в руках серебряный портсигар, лежащий на столе. Вы решили, что обложили меня со всех сторон, каждый мой шаг держите под контролем? Я даже в своем личном камердинере не уверен – кто-то ведь открывал в мое отсутствие мой личный сейф, спрятанный за портретом дорогой матери, королевы Мод. Не говоря уже о содержимом моего бюро. Но вот того, что будет, вы не предусмотрели!

Осло, площадь перед Королевским дворцом.

18 октября 1953 г.

День, когда король Улаф Пятый выступил с броневика перед собравшимся народом.

Позже, вспоминая этот день, его королевское величество решительно отвергал всякие параллели со случившимся раньше в другой стране. Это чистая случайность, что архитектурный вид фасада королевского дворца имел некоторое сходство со Смольным, штабом большевистской революции в Петербурге. И парк, окружающий дворец и площадь перед ним, имеет совсем другую планировку. И памятник, установленный посреди – великому королю Карлу-Юхану, маршалу Бернадотту, а не какому-то вождю пролетариата. И выступать перед народом его величество собирался с балкона над парадным входом, как бывало прежде. Но вмешался экспромт.

Заранее было объявлен свободный вход для всех желающих и, конечно, для прессы. Так что треугольная площадь среди дворцового парка была забита народом, и люди все прибывали, вот уже кто-то и на постамент памятника Карлу-Юхану стремится влезть. На возражения дворцовой охраны, что среди публики могут оказаться злоумышленники, король ответил:

– Я без всякой охраны, с лыжами на плече, ходил по улицам Осло. И тем более я уверен, что в этот день со мной ничего плохого не случится!

Однако сам Улаф Пятый не был настолько уверен. Потому что среди VIP-гостей на балконе был посол, мистер Хант, в сопровождении двух здоровенных типов в штатском – «ради вашей безопасности, ваше величество!» Сделают незаметный укольчик, как тогда отцу – «королю стало плохо, сердечный приступ». И увезут в их госпиталь – та же смерть. И нет рядом людей, на которых король мог бы абсолютно положиться. Хотя охраны множество, во дворце у каждой двери стоят (эти, надо думать, самые опасные – кому посол бы первое внимание уделил), внизу цепью выстроились, перед крыльцом дворца, даже два броневика пригнали, все ради той же безопасности. Лейтенант гвардии в мегафон орет: расступись, не напирайте, соблюдайте порядок.

До двенадцати, объявленного часа, еще пятнадцать минут. И Улаф Пятый решил выйти к народу. Просто для того, чтобы увидеть вблизи тех, кто ему верил – и кому мог верить он: не могли же все эти его верноподданные, простые жители столицы, быть агентами мистера Ханта? Кричат «слава нашему королю», хочется верить, что искренне – потому что если не верить совсем никому, тогда не стоит и жить. Сын Харальд рядом – а если и он в игре, как тогда он сам, нет, не собирался отяготить душу грехом отцеубийства, но ведь знал, что американцы затевают что-то, и даже готов был занять престол, «если Его Величество Хокон Седьмой отречется – чтобы не было опасной анархии». Тот же Хант обещал, что королю лишь ультиматум предъявят, вынудив подписать – а после с честными глазами лгал, что у короля во время напряженной беседы случился приступ. И он, Улаф Пятый, стал законным монархом, а очень скоро узнал, как умер отец – и ничего не предпринял, ради спокойствия в государстве. А вдруг и Харальду сказали то же самое – он честный мальчик и поверит слову джентльмена. Проклятие, что делать-то – ведь убьют, если я там, среди них, на балконе это скажу!

Гвардеец орал в мегафон. Удобная вещь эти новомодные аппараты – и с автономным питанием. А там, на балконе, микрофон отключат, и все. Подхватят под руки и уведут, «королю плохо», на глазах у королевы и дочерей. Стоп, а если... Этого они точно не ждут – ну не поступают так короли!

– Лейтенант! Помогите мне. – Ох, только бы этот офицер не оказался тоже среди агентов Ханта!

Нет, молодой офицер не был в заговоре – или растерялся, не понял, что ему делать? Помог королю подняться на броневик (не было рядом иного столь же возвышенного места, видного всей толпе), протянул рупор. Ну все, теперь обратной дороги нет!

– Норвежцы! Мой народ! Подданные мои! Я, ваш король, прошу вашего внимания!

И сразу стало тихо на площади. Только ветер в деревьях парка шумит – хорошо, что не сильно.

– Вы пришли сюда, чтобы узнать, что случилось здесь, во дворце, три года назад. Как умер наш славный король Хокон, правивший нашей страной с самого обретения ею свободы. И отчего я молчал все эти годы. Несколько минут назад я имел беседу с американским послом – который сейчас там, на балконе стоит. Норвежцы, подданные мои, я могу поклясться перед богом и всем моим народом, что все, что я скажу сейчас, это истинная правда!

Тут король усмехнулся, представив лицо мистера Ханта.

– Мой отец был убит прямо во дворце, по приказу правительства США, ради их «национальных интересов». Теперь же американский посол, не отрицая этого факта, требует, чтобы я официально это опроверг. Угрожая мне, как и тогда, три года назад, что иначе американский бомбардировщик может «случайно», без объявления войны, уронить на этот город атомную бомбу. Мистер Хант, это ведь ваши слова, что раньше было «у нас есть пулемет, у вас его нет», теперь же «у нас есть Бомба, у вас ее нет» и если вы этого не понимаете, как тогда не поняли дикие зулусы – это ваши проблемы? Вот отчего я молчал, – и простите меня за то, что поддался самому гнусному шантажу. Но теперь те, кто называл себя нашим союзником, перешли все границы – мы все-таки не банановая республика и не американский протекторат. Потому я намерен выступить с трибуны ООН с жалобой на угрозу безопасности своей страны и требовать справедливости от международной общественности – перед лицом наглой угрозы взбомбить нас в каменный век за то, что мы, видите ли, вызвали чье-то неудовольствие!

Ждал ли мистер Хант такого? Если ждал, то сейчас последует выстрел снайпера. Или выскочит «убийца-одиночка» с пистолетом. Но если не ждал, то есть шанс. Главное, все время быть на виду – иначе «королю стало плохо, он переутомился и мало ли что наговорил». И нельзя терять ни минуты!

– Народ мой! Чтобы показать, что вы едины со своим монархом, я приглашаю всех желающих, не одних господ журналистов, со мной в Стокгольм, в штаб-квартиру ООН – куда я намерен отправиться прямо сейчас. Сегодня воскресный день – впрочем, я даю королевское слово, что любой из ваших работодателей, кто возмутится вашим отсутствием на работе завтра, вызовет мой гнев и осуждение. Разумеется, это относится лишь к тем, кто вызовется меня сопровождать.

Не надо гадать, что завтра на работе и службе не будет половины населения города Осло. Но это куда меньшее зло. И еще вопрос, будут ли на месте работодатели – в городе, на который может упасть Бомба. Ведь нельзя не поверить своему королю!

– И как символ нашего единения, я прошу вас об услуге. Кто берется доставить своего короля до Швеции и дальше в Стокгольм? А то я боюсь, что лимузин из моего гаража не слишком подходит для гонки по горным дорогам.

Теренс Хант, посол США

Что делать?! Дурак, надо было тогда в мэры идти. Был шанс через пять лет в губернаторы штата, а затем и в Конгресс. Но показалось, что по линии Госдепа легче и быстрее. Черт, черт, если бы не та история в пятидесятом, когда русские у нас рейхсфюрера из-под носа выкрали¹³, отбыв свой срок здесь, я был бы уже в Штатах, в какой-нибудь комиссии заседал. Но получил за тот провал «черную метку» – и второго, да еще большего масштаба, мне не простят!

Приятель, который меня в круг вводил тех, кто подлинно правит Америкой, – ну не совсем приятель, просто так вышло, что я ему одну услугу сумел оказать, – меня однажды этому кругу представил. Так я, у себя в округе фигура далеко не последняя, состояние с семьей нолями уже тогда себе сам сделал, – но среди этих джентльменов чувствовал себя рыбешкой

¹³ См. «Война или Мир».

в стае акул: тот банановый диктатор с аллигаторами против них жалкая шпана. Хотя выглядят все очень респектабельно – один как истинный аристократ, второй на тогдашнего британского премьера похож, остальные... Мой покровитель, назовем его Ковбой, тоже из Техаса, сказал, что за тот провал в пятидесятом, мой провал (без разницы, что я про рейхсфюрера и не слышал – кто крайний, тот и виноват), другие большие люди ему предъявили претензии, «так что ты мой должник – и если ошибешься еще раз, то ничего личного». Я же теперь даже отставкой с позором не отделаюсь – меня в порошок сотрут. Из-за этого чертова королька!

С этими мыслями Хант поспешил к выходу из дворца – скорее в посольство, звонить в Вашингтон, успеть подать свою версию происшедшего и потребовать инструкций. В душе его был ад и желание сорвать злобу на первом попавшемся объекте. И на его беду, такой случай ему представился.

У выхода из дворца еще стоял строй гвардейцев – рослые солдаты в синих мундирах с белыми лампасами. И с ними был Улаф, тезка короля – не человек, а императорский пингвин, привезенный из далекой Антарктиды и зачисленный в королевский гвардейский полк на должность талисмана. Служба его состояла в том, что при церемониале Улаф-пингвин (числящийся в полку в звании майора) проходил перед строем почетного караула вместе с Улафом-королем. К людям пингвин (проживающий в отведенном ему помещении в казарме, как и положено военнослужащему) относился ровно, а к торжественным церемониям положительно – зная, что после того как он вальяжно пройдет перед этими двуногими, ему дадут особенно вкусной рыбки. Но сегодня что-то пошло не так – сюда привели, а не кормят? И пингвин ковылял, переваливаясь, к каждому новому человеку, крича и разевая клюв – кто мне рыбу даст?¹⁴

Мистер Хант злобно отпихнул пингвина ногой. Улаф был удивлен и обижен – до того никто из людей никогда не проявлял к нему такого непочтения. А так как императорские пингины не отличаются кротким нравом, то он в ответ пребольно клюнул посла США в самое уязвимое место – чуть ниже своего роста (по пояс взрослому человеку).

Хант взвыл, однако не растерялся. Как и все техасцы, он был парнем резким и привык мгновенно отвечать ударом на удар. Развернувшись, он пнул пингвина уже с силой, по-футбольному – так, что тот полетел прямо в ряды гвардейцев. И это была вторая ошибка посла. Пингвин был талисманом полка, приносящим удачу, – каждый солдат знал, что три года назад, в пятидесятом, когда Улаф остался в столице с тыловым имуществом, гвардейский полк, брошенный на фронт, был полностью уничтожен в боях у Велсна-фьорда (повезло выжить лишь тем, кто попал в советский плен и был после репатрирован). Так что американец покусился на святое – и здоровенный рыжий сержант (настоящий викинг, только что кольчуги, топора и рогатого шлема не хватает), с криком «Не трожь птичку, гад!» ответил послу равнозначно, то есть отвесил неприкосновенной дипломатической особе такую затрещину, что посол не удержался на ногах и приземлился в клумбу. Так после того, что сказал про Америку наш славный король, еще неизвестно, накажут за такое нарушение этикета, или наградят и повысят.

Сопровождавшие посла мордovorоты тут же выхватили свои кольты 45-го калибра, но сразу замаялись, увидев направленные на них карабины гвардейцев. Хант пытался подняться – но когда он еще стоял на четвереньках, оправившийся от удара Улаф встопорчил перья, растопырил куцые крылья, разинул большой красный клюв и, издавая противные вопли, ринулся в контратаку, горя жаждой мщения: никто еще не смел заслуженного гвардии пингвина так оскорбить! В этот раз он клюнул посла в задницу, вложив в удар всю сорокакилограммовую массу своей тушки, заставив американца ткнуться физиономией в землю. Телохранители, не решаясь стрелять, пытались защитить своего босса, отмахиваясь от разъяренного пингвина

¹⁴ В нашей истории пингвин-талисман, официально носящий воинский чин и зачисленный в список полка, появился в Королевской гвардии Норвегии лишь в 1961 году. Авторским произволом, в альт-истории это случилось раньше.

сорванными пиджаками, – а он, несмотря на кажущуюся неуклюжесть, довольно ловко увора-чивался, возмущенно кричал, клевал и щипал, уделяя основное внимание главному обидчику.

– Лейтенант! – крикнул Хант подоспевшему офицеру. – Прикажете своим людям прекратить угрожать моей охране оружием и немедленно пристрелите эту взбесившуюся птицу! Это дипломатический скандал! В моём лице вы оскорбляете великую страну! Правительство Соединённых Штатов не потерпит... Да сделайте же что-нибудь!

Посол США выкрикнул эту тираду, сидя на клумбе, руками опираясь на землю позади и ногами отбиваясь от пингвина. Поза совершенно не гордая – но встать страшно, а то эта чертова тварь клюнет туда же, куда в самый первый раз!

– Не имею права, херре посол, – ответил лейтенант. – Майор Улаф старше меня по званию. А бить офицера королевской гвардии – это оскорбление мундира. Устав об этом ясно говорит...

– Вы об этом пожалеете! – прорычал Хант, встав на колени. И рванул прочь как с низкого старта, но проклятый пингвин успел при этом еще раз достать клювом посольский зад. – Прощайтесь со своими погонами! А из этой курицы-переростка я потребую сварить суп – и съем публично!

И все это происходило на виду у толпы! Где были не только обыватели, но и журналисты – какой-то тип азартно «лейкой» щелкает. Завтра снимки его, Теренса Ханта, позора появятся во всех газетах, и не только этой страны – и он станет всеобщим посмешищем! За одно это (если недоброжелатели шанс не упустят) могут выгнать со службы с формулировкой «за нанесение ущерба имиджу и авторитету США». Ничего – если все кончится благополучно, он, Терри Хант, ничего не забудет и никого не простит! Дайте только решить главную проблему.

Инструкции, планы? Были планы. На случай если объект окажется совсем уж неуступчивым – в госпиталь, по состоянию здоровья. А там уже по ситуации, или некролог, или выздоравливает, все осознав. Но никакой план не предусматривал, что королевская особа так поступит. У монархов ведь все четко и заранее регламентировано – если он куда-то едет, соответствующие службы должны заранее знать, и уведомить, и подготовить. Даже когда он по улице гуляет – маршрут известен, и вокруг наши люди (и в форме, и в штатском). Потому казалось аксиомой – у нас будут минимум сутки, чтобы на любой выверт организовать контригру. А теперь что делать?

Сто километров до шведской границы. Три-четыре часа езды. Есть люди из бывшего «асгарда», могут устроить обвал на горной дороге (заряд динамита выше по склону), еще проще тяжелый грузовик раскорячить поперек, проткнув шины и сломав мотор. Так три дороги к границе ведут, по которой король поедет? И со связью плохо – пока телефонов, что в кармане у каждого обывателя, не изобрели, а армейские рации у каждой банды асгардовских головорезов – это слишком большая роскошь. А ведь исполнителям надо собраться и с инвентарем – времени нет, не успеют! Этот болван Перри клянется, что ему нужно не меньше полусуток, чтобы все устроить. Идиот, через полсутки король уже будет в Стокгольм въезжать!

Есть еще выход – самый крайний. Эскадрилья специальных операций, которая у Перри в прямом подчинении. Пилоты – наемники, техника – раньше были «мустанги», сейчас «Си Фьюри» (туго у норвежцев с реактивными, так что и поршневого в строю). С опознавательными знаками Норвегии, или вовсе без таковых – причем касаясь снабжения и легального статуса это подразделение числится в составе королевских ВВС. Лучше справились бы «скайхоки» с эскадры в Копенгагене, но флот без бюрократии на такое не пойдет, приказ с самого веру затребуют, чтобы после крайними не сделали (и правильно бояться). Ничего, и этого хватит, чтобы королевский кортеж, сколько там едет, с землей смешать. Только нужно целеуказание, а то ведь не по тем отбобьются, на дорогах движение, воскресенье ведь, ярмарочный день. Подадим после как «красный мятеж в ВВС», исполнителей, конечно, придется... И черт с

ними – я жить хочу! Вот дурачок Перри и поработает авианаводчиком – с ракетой в том самом кортеже. Не откажется, если я прикажу. Ну а убьют и его при налете – и слава богу.

– Босс, без санкции нельзя, – сказал Перри, выслушав приказ. – Вашингтон запросите, если они разрешат... Согласно инструкции!

Джон Перри дураком не был. Это где-нибудь в Никарагуа можно с воздуха залить бунтующую деревню напалмом, никто ничего не скажет, даже если узнает, «наш задний двор». А тут Европа, и не простая публика, а король, дипломаты, журналисты! Ясно, что кому-то после придется ответить – и скорее всего, не большим боссам. А если будет подтвержденный приказ сверху – то какой спрос лично с него, агента Перри, не более чем передаточного звена?

– Будет тебе санкция! – ответил Хант. – Связь с Вашингтоном, живо!

Если мне придется тонуть – то я прежде тех утяну, кто виновен. Так даже в аду гореть приятнее, хе-хе!

Вашингтон, Белый дом.

Президент и госсекретарь

– Я вас правильно понял? Наш посол в Осло угрожал королю атомной бомбой и так напугал его величество, что тот сейчас едет в штаб-квартиру ООН, где намерен озвучить это с трибуны, а заодно и предъявить нам претензию за то грязное дело, три года назад? И посол не придумал ничего лучше, как требовать бомбить территорию нашего союзника, в мирное время! У вас что, работают такие идиоты, которые не видят разницы между европейской дипломатией и дракой в салуне? Вы где нашли этого кретина?

– Сэр, нам его рекомендовали, э-э-э... Ну, вы же помните?

– Так свяжитесь с этим уважаемым человеком и скажите, что всему есть границы! Дипломатия – это все же не синекура для услужливых болванов!

– Уже звонил, сэр! И получил полный карт-бланш. С заверениями, что Теренс Хант больше не пользуется ничьим покровительством.

– Ну так нечего тогда церемониться! Тащите кретина сюда – и будем разбираться, он и в самом деле такой идиот, или враг, злонамеренно подрывающий авторитет Соединенных Штатов. Пусть им займется комиссия по расследованию антиамериканской деятельности. А что касается короля – кто у нас сейчас в Стокгольме и может провести торг?

– Переговоры, сэр.

– Я сказал торг! За то, что его величество не скажет лишнего, мы спишем его стране треть, или даже половину долга. И принесем извинения. Надеюсь, что король будет благодарен?

Снова Осло, посольство США

– Простите, босс, – сказал Перри, – но вы отстранены. У меня приказ вас арестовать и отправить в Штаты первым же рейсом. Мне искренне жаль.

«Фигаро». Париж, 19 октября

Карикатура – маленький отважный пингвин клюет в зад удирающего американского орла. За этим ошалело наблюдает галльский петух. Подпись – «Вот мне бы так!»

«Ле Монд»

Фотография – посол Хант стоит на коленях, явно намереваясь вскочить и убежать, пингвин клюет его в зад. Подпись: «Отважная дуэль между послом США и офицером Королевской гвардии Норвегии».

«Гардиан», Лондон

Фотография – посол, сидя на клумбе, отбивается от пингвина. Подпись:
«Дуэль не по правилам: удары ногами запрещены».

Джек Райан.

Стокгольм, Штаб-квартира ООН,

19 октября 1953 г.

Его величество Улаф Пятый был настроен весьма решительно. И очень враждебно.

– Вы, убившие моего отца, прямо в его кабинете! Сделавшие это не потому, что он был вам врагом, а из политической выгоды. И после этого ваш посол говорил со мной, подобно работорговцу Легри с дядей Томом. Вел себя как бандит, угрожал и моей стране и мне лично – показав отличный пример американской дипломатии. Знаете, вы, как вас там и кто вы по чину, вам повезло, что мы сейчас здесь, в гостях. В своем дворце я бы приказал своим гвардейцам вас с лестницы спустить. И они бы выполнили эту мою волю – есть еще в моей гвардии верные мне люди, не всех вы сумели купить!

Позвольте представиться еще раз: Джек Райан, при президенте Баркли был его советником по национальной безопасности, ну а в настоящий момент состою в представительстве США при ООН. Здесь и сейчас можете считать меня чрезвычайным послом, имеющим полномочия от президента, – ну а Теренс Хант снят с должности и отозван в Штаты, его место пока вакантно. И прежде всего я желаю принести вам и вашей стране официальные извинения от лица США за неподобающее поведение своего дипломата. С заверением, что больше ничего подобного не повторится.

– Извинения принимаю. И больше не желаю вас видеть. Достаточно?

Минуту, ваше величество. Я прошу вас задуматься над одной проблемой. Через пару часов вы выступите с трибуны перед всем мировым сообществом, обличая мою державу и требуя себе преференций. Не будем пока касаться моральных проблем – ответьте, чего вы этим достигнете? И будет ли от того в конечном счете лучше – в том числе и вашей стране?

– Это снова надо понимать как угрозу?

Скорее как предупреждение, ваше величество. Подумайте, в какую сторону ваш поступок сместит глобальные весы.

– Опять будете говорить о священной борьбе добра, то есть вашей демократии, и зла в лице мирового коммунизма? Так вынужден вас разочаровать – я прежде всего патриот своей страны. И ее интересы для меня превыше всего.

Это достойно уважения, ваше величество. Но я имел в виду другое равновесие. Абсолютного добра, то есть такового, существующего ради себя самого, нет – равно как не бывает злодеев, служащих абстрактному злу: даже Гитлер думал не о нем, а о собственной власти, ну и в какой-то мере об интересе своей Германии, как он его понимал. Обывателю проще мыслить в рамках привычной морали, – но умные люди, а тем более политики, должны быть выше этого.

– То, что вы называете «реал политик»? Что обыватель назовет подлостью, у вас – политическое чутье?

Нет, ваше величество. Чтоб понятнее, позвольте начать издали. Вас не удивляли русские успехи у отсталых народов? Отчего у советских получается делать из китайцев и вьетнамцев боеспособные армии и эффективные государства – а у нас, к сожалению, выходит что-то неудобоваримое, продажное, гнилое донельзя? Конечно, вы не читали Маркса – а у него есть немного про «азиатский способ производства». Мы и они – различны принципиально, по самим основам, мировоззрению. У нас главное – это личная свобода, ответственность, ценность каждого отдельного человека. У них – общий интерес, перед которым личность – это ничто. Нет, ваше величество, я не буду вас пугать, что у них всеобщий колхоз – у них есть

какие-то элементы предпринимательства, частной инициативы, равно как и у нас не один индивидуализм, но и власть государства, закона. Но ключевое, что у них сначала коллективизм, а индивидуальности – то, что останется. А у нас наоборот. И знаете, я даже не могу однозначно назвать один порядок добром, а другой злом, у каждого есть свои сильные и слабые стороны, достоинства и недостатки, лицевая и оборотная сторона – у нас свобода, конкуренция ради лучшего, и пресловутое «человек человеку волк», у них монолитная стойкость перед любой угрозой, мобилизация ради каких-то великих свершений, и подавляющий творчество муравейник, равняющий всех под один серый стандарт. Мы просто разные, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им не сойтись никогда. Вот отчего не получается демократии по-китайски, а выходит химера, сочетающая недостатки обеих цивилизаций, без всяких их достоинств: гнилость и воровство так называемого высшего класса (который по идее должен быть эффективным собственником), и лень, забитость, безынициативность низов (не желающих работать на злого господина). Зато у Советов выходит всего лишь дать всем общую великую цель. И, к сожалению, у них это получается. Да, ваше величество, я вовсе не считаю их порядок, коммунистический порядок, за мировое зло, – но, к сожалению, нам и им не ужиться на одной планете. И уже идет битва, кому остаться, кому уйти. И что до ее окончания десятилетия или даже века, и что сражаются вовсе не добро со злом – это что-то меняет для нас, для меня и вас, коль уж мы волею природы или Бога принадлежим к одной из сторон?

Вот и подумайте, ваше величество, ваш демарш, который, безусловно, нанесет ущерб нашему демократическому единству, пойдет на пользу какой из сторон? И выиграет ли от этого Норвегия в конечном счете – или проиграет?

– Мистер Райан, вы случайно не техасец?

Нет, ваше величество, я уроженец Новой Англии. Техасец мой сводный брат – так получилось, что моя мама, овдовев, вышла замуж вторично. Тоже Райан и, что смешно, тоже Джек, лишь на два года моложе меня. В войну служил в 82-й десантной, тонул в Атлантике, когда в сорок третьем их судно потопил Тиле в том знаменитом мартовском рейде. Истинный патриот Америки и ее опора – в отличие от меня, штабной крысы, солдат до мозга костей. И как солдат, привык говорить то, что думает, без всяких политесов.

– Зачем вы это мне рассказываете, мистер Райан? Я не имел чести знать вашего героического брата.

Хочу, чтобы вы поняли. Политик или дипломат, как я или вы, – убеждает. И потому должен находить с собеседником общий язык. А военный – приказывает, и ему в принципе неинтересно, что подумаете вы – ему надо, чтобы вы сделали то, что от вас хотят. И если объект воздействия упрямится – то можно прибегнуть и к угрозам. Для вас Теренс Хант, после его слов, совершенно не принятых в разговоре с правящими особами (ну кроме глав банановых республик – но кто и когда их за суверенных правителей считал) – бандит с Дикого Запада. А он, честный американский парень из Техаса, всего лишь прибег к недипломатическим выражениям, желая лучшего для Соединенных Штатов и для всего мира. Простим ему эту провинциальность – однако вы же не думаете, что он и в самом деле приказал бы сбросить атомную бомбу на мирный город своего союзника?

Король усмехнулся, и его усмешка очень не понравилась Райану. Достал из кармана серебряный портсигар, и Райан ясно услышал:

– ...это наш бомбардировщик с базы в Англии совершал патрульный полет у границ красного блока. С Бомбой, снаряженной по-боевому, – и пилоту важна лишь одна воля, воля нашего президента. Если поступит приказ – этого города больше не будет. Причем возможно, даже войну никто не станет объявлять. А просто скажут, что случайно оторвалась бомба – искренне сожалеем, а теперь примите наши условия, пока то же не случилось с другим вашим городом.

– Портативный диктофон от «Телефункен», русская технология, подарок одного умного человека, – произнес Улаф Пятый, – вместе с советом иметь это наготове, когда ваш посол с претензиями придет. Теперь все его слова сохранены для истории и суда.

Чертов Хант! Проклятый дурак! И ведь умолчал, что дословно он сказал тогда королю наедине, отчего норвежский монарх взбесился. Если честно, сам Райан на месте Улафа Пятого поступил бы так же, – но сейчас не до сантиментов, если это прозвучит с трибуны ООН на весь мир, страшно представить, что случится! Атлантический альянс придется распускать – а завтра европейцы упадут в объятия коммунизма!

– Я буду требовать немедленного выхода своей страны из Атлантического альянса, – сказал Улаф Пятый, – и обращусь к тем, кто пока еще, к сожалению, в нем состоит. Над чьими столицами также летают ваши самолеты, у которых в один день может оторваться Бомба, если ваш даже не президент, а посол будет недоволен. После такого даже Англия может закрыть для вас свое воздушное пространство, не говоря уже о прочих. И не надо мне говорить о нужде жертвовать собой ради победы над коммунизмом – если дошло до такого. Мертвым победа демократии уже безразлична.

Что делать? Напасть на короля, убить, придушить, ударить чем-то в висок? Скандал – но все же меньший, чем если Улаф Пятый осуществит свою угрозу. Но оружия нет, даже тяжелых предметов рядом, а за дверью шведские полицейские стоят, и норвежский монарх не немощный старик – а Райан вовсе не был обучен убивать голыми руками, мгновенно и бесшумно (как, по словам месье Фаньера, умели Смоленцев и его головорезы). Если полицейские ворвутся, услышав шум, и увидят, как мы по полу катаемся... и запись тоже к делу приобщат, и прослушают, в итоге США будут в полном дерьме, чего мне не простят, лучше будет самому застрелиться. Значит, придется договариваться. Делать хорошую мину, улыбаться, обещать все. А кретина Ханта я сам попрошу на электрический стул – ибо такой идиотизм хуже измены!

Ваше величество, вам следовало бы лучше изучить параграфы Атлантического соглашения. В частности, там есть один, касающийся «развития событий, угрожающих обороноспособности всего Альянса». Для пресечения которых Альянс имеет право «принять такие меры, какие сочтет необходимым, включая ввод своих вооруженных сил и установление военного положения». Подобно тому, как русские и британцы в сорок первом направили свои войска в Иран, сочтя, что иначе эта страна может вступить в лагерь Гитлера.

– А еще в параграфах Альянса обещана помощь любому члену, подвергнувшемуся нападению. И мы помним, как вы три года назад молча смотрели, как советские наступают от Буде до Тронхейма – как ни молил вас о вмешательстве мой несчастный отец. Но вы предпочли убить его, чтоб не ссориться с русскими!

О, конечно, ваше величество, иные статьи в Договоре выглядят расплывчато, в широких пределах. Которые означают, что мы имеем право поступить так или иначе, по политической обстановке. И если мы решим, что в данный конкретный момент наше вмешательство будет полезно – значит, так и будет. Тем более что какой-то контингент уже находится на вашей территории.

И уже готов действовать, подумал Райан, по моей информации, с британцами соглашение достигнуто, и когда план будет запущен, их войска обеспечат захват важных объектов и разоружение норвежцев, если какие-то их части покажут нелояльность. А на второй день высаживаются две американские дивизии, из числа тех, что следовали во Францию, но перенаправленные в Берген и Осло. Вместе с британскими, их должно хватить для поддержания порядка – немцы в войну здесь не испытывали проблем с неповиновением населения.

Нет, ваше величество, мы придем не как оккупанты. А лишь затем, чтобы обеспечить безопасность вашей страны от возможного русского вторжения и коммунистического бунта, равно как и порядок на время, пока будут избраны новые органы власти. Республика, если ваши бывшие подданные захотят стать гражданами, или вступление на престол вашего сына

Харальда в случае монархических предпочтений – поскольку мальчику всего шестнадцать, ему будет назначен регент из числа наиболее благоразумных и уважаемых представителей вашего народа. Ну а вы, отрекшись, удаляетесь на покой мемуары писать – мы не коммунисты и убивать вас из классовой ненависти не будем.

Если вы не станете создавать нам проблем, а мирно удалитесь в изгнание, подумал Райан, иначе же... Найдется какой-нибудь террорист, обиженный, или просто псих, да и несчастный случай вполне возможен. Хотя мне будет искренне жаль – но ничего личного, если это необходимо сделать.

И не к русским же вы обратитесь за помощью, ваше величество? После того, что они сделали с вашей страной три года назад. Теперь примирения с ними не поймут ни ваш бизнес, ни ваше общество, ни простой народ. И будут ли Советы ради вас воевать с нами всерьез – это большой вопрос.

– Пока что большинство норвежцев относится к вам лучше, чем к русским, отобравшим часть нашей исконной территории. Вы хотите сделать все, чтобы стало наоборот?

Поверьте, ваше величество, что Соединенные Штаты искренне хотят быть справедливым старшим братом для всех малых стран свободного мира, – а не господином перед рабами. Однако старший в семье имеет право требовать от младших, чтобы они подчиняли свой эгоизм общим интересам. А также и награждает за хорошее поведение.

– И чем ваша заокеанская держава может наградить бедную Норвегию? Оживите моего бедного отца, отвоюете у русских северные провинции? Что хорошего вы можете для нас сделать – кроме как убрать с нашей земли своих солдат и не угрожать атомной бомбежкой?

Список обширный, ваше величество. Во-первых, наши официальные извинения за действия посла Ханта, который хотя и превысил свои полномочия и даже совершил должностное преступление, но пребывал на посту законного представителя США, а следовательно, моя страна несет за него ответственность. Во-вторых, я уполномочен предложить вам списать тридцать процентов вашего долга и пересмотреть сроки и условия выплат оставшейся части. В-третьих, я могу передать вам материалы по агентам «Асгарда» в вашем ближайшем окружении – кто, с каких пор, что делал и когда от нас деньги получал. Конечно, при условии, что вы не предадите огласке источник сведений.

Это уже игра на грани фола, подумал Райан, надеюсь, в Вашингтоне сидят не тупицы, как Хант, а те, кто поймет, что у меня не было другого выхода – ради блага Америки. Хотя этот мой поступок аккуратно запишут, и если я когда-нибудь допущу промашку, предъявят к обвинению. Но игра стоит свеч. Во-первых, не обязательно сдавать всех. А во-вторых, Норвегия очень бедная страна, а мы богатая, и как я прочел в какой-то книжке про европейское Сопротивление в эту войну, «капитал не может лежать без движения, всегда ищет наибольшую прибыль и верен тому, кто эту прибыль обеспечит – француз или бельгиец может быть патриотом и ненавидеть меня как немца, но если он коммерсант, банкир, чиновник, с ним всегда можно найти общий язык»¹⁵. Так что пока американский бизнес и американские деньги доминируют на норвежском деловом игровом поле, у нас не будет недостатка в агентуре!

В-четвертых, ваше величество, Норвегия сейчас является одним из крупнейших производителей «тяжелой воды». Которую фирма «Норск-гидро» вынужденно продает за бесценок, так как внутренний рынок потребления этого товара практически отсутствует – если не считать весьма малое количество, закупаемое университетами Осло и Бергена для химических и физических экспериментов. А что бы вы сказали, ваше величество, если бы Норвегия развила свою атомную промышленность, а в перспективе и вошла бы в число ядерных держав?

¹⁵ Тут Райан неточен. Цитата взята из Федорова «Подпольный обком действует», эпизод допроса немецкого офицера, в альт-истории книга вполне могла быть переведена на европейские языки.

Сейчас таковых всего три, подумал Райан, мы, русские, год назад и Британия присоединилась. Еще французы работают, через несколько лет, возможно, и добьются успеха. ГДР, Италии, Японии атом запрещен категорически, тут даже Сталин не возражал. И подписано Соглашение пятьдесят первого года, принятое после того случая, когда в Китае мы одну бомбу потеряли, до сих пор не нашли – по которому не допускается передавать неядерным странам свои боеприпасы. Про технологии не сказано ничего – подразумевалось, что столь дорогие игрушки для малышей непосильны. Что есть истина – все ж быть разведчиком с широким кругозором и образованием лучше, чем королем без оных. Малый, фактически исследовательский реактор – да подавитесь, наработать оружейный материал в товарном количестве вы не сможете! И главное, король не скоро поймет, что получил престижную, но бесполезную игрушку!

То есть, ваше величество, Соединенные Штаты дружественно отнесутся к вашим желаниям стать атомной державой. Мы предоставим вам необходимую информацию, специалистов, окажем содействие в обучении вашего персонала и строительстве промышленных объектов. Вам это кажется невероятным – но посмотрите на Данию, как эта маленькая страна сумела стать пенициллиновым гигантом, серьезно потеснив на европейском рынке даже американские фирмы!¹⁶ У вас есть шанс стать ядерной державой – что дает, помимо прочего, и постоянное членство в Совете Безопасности ООН с правом вето.

А вот эту наживку король заглотил, подумал Райан, если он сейчас начнет сомневаться, не обманем ли мы его, то есть перейдет к чисто техническим частностям, значит, по существу принял. И мы не обманем – даже не потому, что ложь сейчас вызовет неприятные последствия. Но прежде всего оттого, что отдаваемое не имеет для нас особой цены. И мы даже получим прибыль на норвежском атомном проекте – интересно, чем трескоеды с нами расплачиваться будут, неужели снова у нас же попросят кредит? Так мы вернем себе, ну, может, не все из уступленных тридцати процентов норвежского долга, но хорошую их часть!

– Какое у меня доверие может быть к вам после того, что я видел? И какие гарантии я получу, что после моего выступления вы не забудете этот разговор и все, что обещали?

Поверил! Ну что ж, на этот случай у меня в кармане карт-бланш, с правом подписи, почти равным президентскому. Уж очень в Белом доме занервничали, чтоб норвежский монарх лишнего не сказал – усмирить Европу тотальной оккупацией можно, но во сколько это обойдется и что получим в итоге? Если даже в Лондоне на нас начинают смотреть косо. Но если мы уйдем, то очень быстро Европа упадет в объятия коммунистов. И красные победят в Азии, и в Африке тоже – это ведь правда про склонность разных народов к индивидуализму или к коллективизму, и что тогда останется от свободного мира? Так что я имею полномочия подписать документ о норвежском долге и об атомном сотрудничестве (в Штатах кто-то взвоят, но надеюсь, что деловые интересы сыграют роль). Ну, а сдать королю наших отыгравших агентов – невелика потеря. Нет в Норвегии ни НКВД, ни Гулага, зато есть демократия и рынок, так что завтра же у нашего посольства выстроится очередь желающих продать норвежские секреты.

И в-пятых, ваше величество, я имею полномочия предложить вашей славной стране заключить торгово-кредитное соглашение на очень выгодных для вас условиях. Вот проект, можете после передать своим экспертам.

Очень выгодный, ваше королевское величество, – если не иметь опыт биржевого игрока. Процент, сроки – то, что бросается в глаза – выглядят очень заманчиво. А мелким шрифтом, как технические детали, – что кредит исчисляется в долларах, и под его обеспечение ваша страна предоставляет долю акций ваших компаний, государственных, или под королевское поручительство, долю совсем малую, даже символичную. Однако на бирже это называется

¹⁶ История реальная. В конце 40-х годов датская фирма Lovén сумела наладить массовый выпуск пенициллина, по чистоте превосходящего американский, датский препарат достаточно было принимать один раз в день, в случае когда американский трижды.

«маржа овер» – если курс этих акций (и вашей валюты) упадет, вам надлежит восполнить возникшую разницу, или акций нам добавив, или сразу выплатив часть кредита. Что ваши акции дальше обесценит, то есть процесс будет повторен, русские про это говорят «чем дальше в лес, тем больше дров». И вот у нас уже ваш контрольный пакет, и все законно, по договору¹⁷.

Поверьте, ваше величество, что американский бизнес, как и Правительство США, заинтересован в дружбе между нашими странами и в развитии торговых отношений.

Ну вот и договорились. А гарантии... да хотя бы – вы отдадите мне пленку с записью лишь после того, как получите обещанное. То есть когда я все подпишу и вам папку с досье передам. Но уж после – выполните и вы свою часть. Что журналистам сказать, о чем мы сейчас беседовали? А то изнемогают там, в коридоре, толпой собравшись. Простите, но коммюнике не будет. Можете сказать им, что обсуждали вопрос наказания виновных – Терри Хант, конечно, преступник, виновный в злодейском убийстве вашего отца, возможно, что в сговоре с нацистской организацией «Асгард», руководимой беглым рейхсфюрером Гиммлером¹⁸, но все же он пребывал на официальном дипломатическом посту, а иностранных дипломатов бить нехорошо. И кое-кто в Белом доме мнение имеет, что «суп из майора Улафа» – что-то в этом есть. Но я слышал, у пингинов мясо невкусное, сильно рыбой воняет. Так, наверное, можно найти рецепт?

*Альфонсо Мазини,
репортер римской газеты «Мессанджеро»*

Ах, синьоры, как опасна работа независимого журналиста! Когда целая банда крайне опасных личностей ищет вас по всему Риму, желая сделать «то же, что с Фаньером», хочется оказаться как можно дальше. Но велики ли возможности у скромного репортера, которому едва хватает на проживание, новый костюм и красивую синьорину в кино пригласить иногда – а даже о мотороллере «Веспа», который очень облегчил бы мою работу, приходится лишь мечтать? К тому же эти ужасные люди меня и в Милане найдут, и в Неаполе – если я там по специальности работать буду. Ведь труд независимого репортера сродни частному детективу – чтобы первому получить информацию, надо, чтоб тебя знали намного шире, чем какого-нибудь синьора Пьетро, который утром идет в контору или на завод, вечером домой к семье, и никому не знаком, кроме сослуживцев и соседей. А я по складу ума и характера не могу работать по твердому расписанию.

И пришлось мне вспомнить одного своего знакомца из «Мессанджеро». Так вышло, что я знаю языки – свободно французский (в Марселе за своего могу сойти), чуть хуже английский (приходилось одно время крутиться среди торговых морячков) и даже русский (два года у них в плену был). Конечно, все самые хлебные места постоянных заграничных корреспондентов в таких местах, как Берлин, Краков, Прага, Будапешт, Вена, не говоря уже о Москве, Ленинграде, Киеве, были давно заняты, равно как и Париж, Брюссель, Мадрид. Но вот Норвегия до недавнего времени была вне зоны наших интересов – а по утверждению самого главного редактора (как сказал приятель Корнелио – тот, что помог мне с трудоустройством), там в самое ближайшее время что-то должно произойти. Откуда знает редактор – ну, говорят, у него родственник служит где-то очень высоко. А впрочем, это неважно.

Ехать от «Мессанджеро» должен был синьор Фортунато. Его и послали основным – а меня в довесок, решив, что двое лучше, чем один. И денег не дали, обещав заплатить после и возместить расходы, «если хороший материал добудешь», условия кабальные, но выбора у меня нет. Но немного денег у меня было, и я решил поставить на «зеро», купив билет на рейс

¹⁷ Схема реальная. Вот так выглядит печально знакомый нам «валютный кредит» применительно не к частным лицам, а к корпорациям и государствам.

¹⁸ См. «Война или мир».

«Алitalia» трансатлантический, с посадкой в Лондоне. Там я сошел и взял билет до Осло. Прилетел в субботу семнадцатого, вечером, – и на следующий день был на площади перед дворцом, наблюдая все представление с пьедестала статуи Карла-Юхана, никто не возражал против такого обращения с памятником, у норвежской полиции хватало в тот день других забот. А после сам Господь и Мадонна надоумили меня не уходить сразу, а приблизиться к выходу из дворца, – и я стал свидетелем незабываемой сцены битвы посла США с пингином, успев сделать больше десятка отличных кадров, все, что в моей «лейке» осталось. А после одному архангелу Михаилу известно, чего мне стоило срочно найти место, где это проявят – в незнакомом городе, не зная норвежского! Кажется, эта улица называлась Дроннингентс – там, недалеко от Военной академии, я наткнулся на фотоателье, хозяин которого, к моему удивлению, не взял с меня денег, но, выслушав мой рассказ о том, что было перед дворцом, требовал моего дозволения оставить себе по одному экземпляру отпечатков с каждого кадра, чтобы выставить в своей витрине. Затем мне была забота отправить домой снимки, пришлось в итальянское посольство идти, там все смотрели, смеялись и пообещали отправить фототелеграфом. А после, вот чудо, помогли мне достать билет до Стокгольма и дали рекомендательное письмо в посольство в Швеции, причем не итальянское, а СССР! Просто сказали: там тебе помогут.

Здесь в Европе русских часто изображают то ли неотесанными грубыми варварами, то ли исчадиями ада – но на самом деле это очень приличные люди, в них совершенно отсутствует англосаксонское высокомерие и взгляд свысока. И они умеют ценить таланты – даже ужасный ГУЛАГ, где я, как сказал уже, провел два года, показался мне вовсе не преисподней; впрочем, и я там не кайлом махал, а был кем-то вроде ответственного за учет. И когда закончилась война и мой срок в плену, мне даже предлагали остаться и принять советское гражданство, но я отказался, подумав о своей итальянской родине. Однако и тут о моих заслугах наслышаны – или русское ГБ и правда все знает? Меня спросили, не я ли этим летом в Риме брал интервью у четы Смоленцевых, и «товарищ Дмитрий», кто взял тут надо мной опеку, оказался знаком и с моим приятелем Родари. А затем мне сделали предложение, от которого я не мог отказаться – я помогаю русским, они помогают мне.

И вот я в лучшем шведском отеле. В компании двух французов, бельгийца, англичанина, испанца, двух немцев и русского. Все нормальные ребята, успел уже с ними наскоро перезнакомиться, тоже журналисты. Перед дверью «королевского» номера-люкс двое шведских полицейских в форме, и еще кто-то в штатском, нас ближе трех шагов не подпускают. А за дверью король Улаф Пятый ведет переговоры с американцем – о чем, все мы хотели бы узнать! За этим меня и пригласили!

Я еще не сказал вам, синьоры? У меня есть особенность, как сказали врачи, аномально чуткий слух. Я могу различить слова, которые вполголоса произносят за полсотни шагов. Конечно, здесь закрытые двери, и, наверное, переговоры не сразу за ними ведутся, но, как сказал «товарищ Дмитрий», может хоть, что-то разберешь? Я и стараюсь. Но пока слышу лишь «бу-бу-бу, ду-ду-ду» – интонацию разобрать могу, и даже голос различить, а слова – нет. Понятно лишь, что один говорит напряженно и зло, а второй его будто убеждает, тон не повышая. Но вот к двери пошли, внимание! Да тише вы, рядом!

Что-о? Слышал я, что янки мелочны и злопамятны, но чтоб до такой степени – это просто неприлично! Но вроде и посол еще там, на дворцовой площади это говорил: «Суп сделаю». А теперь, выходит, сам их президент приказал бедного пингина выдать, сварить, и он лично, перед публикой, его съест?!

Ну вот, выходят, улыбаются. Американец – довольно, на все тридцать два зуба, как в их кино. Но и король тоже выглядит довольным. Договорились, значит? Пингина жалко.

А после меня спрашивают коллеги: что услышал? Ну я им и рассказал.

Представляю, какая рожа была у неудачника и скряги Фортунато, прибывшего в Осло лишь утром девятнадцатого, на сутки после событий! А в Стокгольме не попавшего вовсе, «этого в задании редакции не было». Покрутился в норвежской столице пару дней и с чувством выполненной работы отправился домой. И как такие тупицы работают репортерами и еще пребывают на хорошем счету?

Вы спрашиваете, синьоры, от кого я в Италии скрывался – от мафии? О, нет – гораздо хуже, меня искали болельщики футбольного клуба «Рома», решившие, что я их команду оскорбил. Но это история совсем другая.

Карикатура из «Мессанджера», после перепечатана газетами других стран

Президент США (портретное сходство есть) с ножом и вилкой в руках – за спиной ряды солдат, пушки, танки, самолеты, авианосцы, – грозно надвигается на маленького взъерошенного пингвина. Подпись: «Мне сказали, ты оскорбил мою страну?»

«Пари матч». Париж

Неужели президент самой цивилизованной страны Запада уподобился дикарям племени мумбо-юмбо, верящим, что, съев своего врага, можно унаследовать его достоинства?

«Обсервер», Лондон

Значит ли это, что отныне любой, оскорбивший посла США, должен быть выдан американскому правосудию для убийства и съедения? Как известно, в США прецедентное право.

«Телеграаф», Амстердам.

Колонка кулинарных рецептов

Пингвинье мясо довольно жесткое, и потому лучше отваривать его с добавлением различных специй, которые придадут блюду дополнительный вкус.

При жарке мяса пингвина следует учесть два важных момента. Во-первых, готовить следует только свежий продукт, так как замечено, что мясо пингвина при хранении очень быстро теряет первоначальный вкус. Во-вторых, обжарка не должна длиться слишком долго. Поэтому мясо должно быть нарезано как можно более тонкими ломтиками.

Одно из самых любимых среди полярников блюд – мясо пингвина, жаренное с кусочками хлеба и взбитым яйцом.

«Вашингтон пост»

Покусившийся на честь и достоинство нашего посла – должен быть наказан, независимо от того, кто это, человек или пингвин. И для этого «майора Улафа» должно быть высокой честью, что суп из него съест сам президент Соединенных Штатов!

Норвегия. Берген.

Из полицейского протокола

Так господин лейтенант, все правильно было. Сидим мы, значит, в баре, мирно пиво пьем. И тут Бьярни стал рассуждать, а как бы закусить мясом из пингвина. Поскольку Америка условия поставила, что если их президент нашего Улафа, что их посла клюнул, прилюдно съест,

то нам половину долга простят. А это значит – экономика, рабочие места, оживление рынка. Бьярни из образованных, он много таких слов знает. Ну а попросту – тут немного займешь, и каждую неделю отдавать – это очень погано, ну а чтоб всей страны долг – это представить страшно, и если он уполовинится, ясное дело, каждому из нас будет лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.